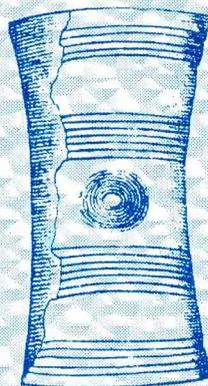

КАМЕННЫЙ ВЕК ЮЖНОГО ПРИАНГАРЬЯ
STONE AGE OF SOUTHERN ANGARA REGION

I
Иркутский
геоархеологический
район

Иркутск 2001

**ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
"БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН", ОТДЕЛ ГЕОАРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
СОВМЕСТНАЯ ИРКУТСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ
И ПАЛЕОЭКОЛОГИИ СО РАН - ИГУ
КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ
АДМИНИСТРАЦИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

КАМЕННЫЙ ВЕК ЮЖНОГО ПРИАНГАРЬЯ

I

ИРКУТСКИЙ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ РАЙОН

Международный симпозиум
"Современные проблемы палеолитоведения Евразии"
1 - 9 августа 2001 г. Иркутск.
130-лет открытия палеолита в России
1871 - Иркутск - Военный госпиталь - 2001

Издательство Иркутского университета

2001

УДК 551.7(282.256.34)

Г34

ББК 63.4:26.33

Представлено к изданию Иркутским государственным университетом

Генералов А.Г., Медведев Г.И., Заграфский С.И., Слагода Е.А., Базалийский В.И., Туркин Г.В., Тютрин А.А. **Каменный век Южного Приангарья. Иркутский геoarхеологический район** / Путеводитель международного симпозиума "Современные проблемы палеолитоведения Евразии", 1-9 августа 2001 г., г.Иркутск / Отв.ред. Г.И.Медведев. - Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 2001. - Т. 1. - 84 с., 22 илл.

Данная книга является первым томом серии изданий, посвященных 130-летию открытия палеолита в Иркутске. Стоянка Военный госпиталь была первым палеолитическим памятником России, потому интерес к ней сохраняется до сих пор. Представленные в работе геологические и археологические материалы наглядно свидетельствуют об эволюции взглядов исследователей на возраст и культурную характеристику отложений и археологических комплексов. В книге сведены результаты исследований многих лет - с открытия до настоящего времени, подтверждающие уникальность геoarхеологического объекта Военный госпиталь.

Расчитана на геологов-четвертичников и археологов.

ББК 63.4:26.33

ISBN-5-7430-0740-3

ISBN-5-7430-0741-1

© Иркутский государственный университет 2001г.

© Коллектив авторов, 2001 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Путеводитель» по местам обнаружения палеотехноседименов каменного века в Южном Приангарье объединяет сведения о географии, истории изучения, геостратиграфической организации геологического и палеотехнологического веществ местонахождений территориального подразделения, предметном содержании «культурных отложений», возрасте ансамблей артефактов и месте ископаемых палеотехнологий в региональных и континентальных схемах периодизации древних культур. Археологи обнаруживали, изучали отложения древних культур в разные годы XIX-XX столетий. Сведения, накопленные за 130 лет, имеют различные объемы и неоднозначны по качеству. Но общий массив данных об ископаемых культурах эпохи камня в Южном Приангарье сегодня полнее прочих на юге Средней Сибири представляет летопись геоэкологических и технологических событий во временной протяженности верхнего плейстоцена – голоцена. Материалы объектов геоархеологических изысканий, расположенных по берегам р. Ангары и р. Белой на 170-километровом отрезке верхнего ангарского участка и на протяжении 100 км нижнего течения р.Белой, достаточно убедительно могут свидетельствовать в пользу многих исследовательских усилий, образовавших основание современного знания о древней истории народов, населявших околбайкальские пространства от 130-го тысячелетия начала верхнего плейстоцена до развитого неолита и бронзы 6-4 тыс. лет от н.д. В практике раскопочных работ на местонахождениях Южного Приангарья родилось сначала «стихийное», затем – «конструктивное» и, наконец, - «тематическое» взаимодействия геолого-геоморфологического и археологического знаний, оформляющихся ныне в геоархеологическое направление. «Путеводитель – 2001», как его уже заочно нарекли, можно при желании полагать продолжением «Путеводителя-1990» «Стратиграфия, палеогеография и археология Юга Средней Сибири», изданного в г. Иркутске в 1990 г. к «Прибайкальской экскурсии» международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной,

Центральной, Восточной Азии и Америке (палеоэкологический сюжет)». Генеральное мероприятия симпозиума – 90 проходили в г. Новосибирске. В гг. Красноярске, Иркутске демонстрировались полевые объекты археологических и геологических изысканий в Северном Приангарье, на побережье оз. Байкал, Верхней Лене, в г. Иркутске, на южных участках побережья Братского водохранилища.

В «Путеводители – 2001» сосредоточены данные о территориях и объектах районов, в которых проводится работа симпозиума. Это определяет специфику строения разделов «Путеводителя», историографические подробности в его содержании, расширенные сведения о географии, рельефе и геологическом строении участков районов, субрайонов и полигонов тематических изысканий.

Содержание географических и геолого-геоморфологических очерков организовано по принципу рассмотрения «от крупного подразделения к наименьшему». Наиболее крупным подразделением принята «страна» – Байкальская Сибирь, в которую вписано областью Южное Приангарье. В составе Южного Приангарья означены «геоархеологические районы» - Иркутский и Бельский (Медведев, Генералов, Дроздов и др., 1996), имеющие подразделения, названные «субрайонами» и «полигонами». В интерьерах районов, субрайонов и полигонов выделены «генеральные образующие».

Путеводитель в трех отдельных книжках составлен в последовательности и взаимосвязанности изложенного содержания: I – Иркутский геоархеологический район; II – Бельский геоархеологический район – Мальтинский, Сосновоборский, Ангаро-Бельский субрайоны; III – Бельский геоархеологический район – Холмушинский, Булайский субрайоны. Общие сведения о Байкальской Сибири и Южном Приангарье размещены в первом томе.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. РАЙОНИРОВАНИЕ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ.

Термин был введен в научный оборот в 40-х годах XIX века известным ботаником Карлом Ледебуром. С того времени характеристику территории Байкальской Сибири давали неоднократно многие авторы (Медведев, Генералов, Дроздов и др., 1996). Под Байкальской Сибирью в настоящем контексте понимается совокупность территорий земной поверхности, расположенных вокруг озера Байкал, в границах картографической проекции части Евразийского континента между 50–67⁰ с. ш. и 94–118⁰ в.д., имеет площадь более 1.500.000 км², более половины всей территории занимает Иркутская область (768 км²), в современных административных границах. большей частью своего пространства Байкальская Сибирь располагается на юге Сибирского плоскогорья. В контуре ее границ находятся все ближайшие к озеру Байкал верховья рек Ангаро-Енисейского и Ленского бассейнов (рис.1). Это одна из основных особенностей описываемой территории.

На юге, юго-востоке и юго-западе в Байкальскую Сибирь включена территория Саянской горной страны с Тункинской впадиной и текущей по ней р. Иркут. На востоке и северо-востоке нижнее течение р. Селенги, Баргузинский хребет, Витимское и Патомское нагорья. На севере – Тунгусское плато, на западе Канская лесостепь и Енисейский кряж, на юго-западе - область енисейской Тувы. Две уникальные озерные чаши – Байкал и Хубсугул вписаны в горное обрамление юго-восточной рифтовой зоны этой территории.

Территория Байкальской Сибири поднята над уровнем океана более чем на 2 500 метров. Холмисто-равнинный рельеф занимает 80% территории, низменно-равнинный рельеф составляет 1% от общей площади. Современные лесные массивы занимают около 60% площади. Большая часть периферийных южных и северных районов труднодоступна. (Медведев, Генералов, Дроздов и др., 1996).

Климат Байкальской Сибири – резко континентальный, определяется влиянием Сибирского антициклона, с максимумом атмосферных осадков в горном обрамлении Иркутского амфитеатра – 700-800 мм/год. Его внутренние части получают 250-400 мм/год. Среднегодовые температуры колеблются от -4° до -1° ; средние температуры июля $+14$ - $+17^{\circ}$; средние температуры января – -20 - -25°C . Озеро Байкал оказывает отепляющее и увлажняющее влияние на прилегающие районы. Преобладает два основных направления ветров – северо-западное и юго-восточное. Многолетняя мерзлота на севере Байкальской Сибири имеет сплошное распространение, в пределах юга Иркутского амфитеатра – прерывистая и «островная» мерзлота сохраняется на склонах северной экспозиции и высоких водоразделах. Мерзлые толщи с ледяными жилами сохранились до настоящего времени в горах Восточного Саяна (Осадчий, 1974).

ЮЖНОЕ ПРИАНГАРЬЕ.

Термин «Южное Приангарье», как понятие геоморфологического ранга применялся в специальной литературе еще в 30-е годы (Каманин, 1938). Нами оно предлагается для выделения самого южного участка долины р.Ангары с прилегающими районами внутри того ее отдела, который традиционно именуется «верхним течением», «Верхним Приангарьем».

Собственно Верхнее Приангарье – это относительно узкая полоса территории, включающая районы различных гипсометрических, геоморфологических и природно-ландшафтных характеристик, протянувшаяся по обеим берегам р.Ангары от ее истока на 600 км вплоть до начала былых каскадов Братских порогов, отмечающих южную границу Среднего Приангарья. Ныне эту границу выполняет плотина Братской ГЭС.

Долина р. Ангары в верхнем течении имеет северо–северо-западную ориентацию. Если южная и северная границы достаточно четко определены такими давно ставшими привычными естественными рубежами как «исток», «порог», или «плотина» то западная и восточная границы четких общепринятых контуров не имеют. Можно сказать, что территория Верхнего Приангарья занимает на карте положение между 102-105⁰ восточной долготы и 51-54⁰ северной широты.

Верхнее Приангарье – часть юго-востока Средне-Сибирского плоскогорья или, в другой редакции, его тектонического эквивалента – Сибирской платформы. В системе более узкого геологического районирования Верхнее Приангарье – часть Иркутского амфитеатра. В геоархеологическом районировании Верхнее Приангарье – восточная «окраина» центральных областей территории байкальской Сибири.

Южным Приангарьем занят участок долины р.Ангары протяженностью в 280 км от истока до широты впадения в нее справа р.Уды (рис.1). Эта протяженность составляет половину Верхнего Приангарья. Такому выделению есть ряд оснований.

В геоморфологическом отношении территория Южного Приангарья является контактной зоной проявления нескольких форм рельефа. Если за границу Южного Приангарья на западе принять верхние участки нижних течений левых притоков р. Ангары – Иркутта, Китоя, Белой, Унги, а за восточную границу принять вершины значительно меньших по протяженности и водному ресурсу правых притоков – Куды, Иды, Уды, Осы, то в пределах этой территории мы будем иметь на юге контакт с зоной Байкальского рифта и Саянской горной страной, на востоке и юго-востоке в территорию войдет по системе р. Куды часть Предбайкальской впадины. Над ней и над правым берегом р. Ангары уступами от 100 до 500 м поднимается южная и юго-западная окраины наклонного Лено-Ангарского плато; на западе вдоль подножия Саян в Южное Приангарье войдет волнистая Иркутско-Черемховская равнина и, наконец, на северо-западе открываются холмистые пространства собственно Сибирского плоскогорья.

Означенная часть области Верхнего Приангарья характеризуется пестротой и сложностью сочетаний различных генетических типов рыхлых четвертичных отложений, выполняющих днище функционирующих и мертвых речных долин и склонов, обрамляющих эти долины. Самые низкие уровни террасовидных уступов представляют современные аллювиальные и эоловые отложения, на склонах же можно наблюдать самые различные ситуации и переходы от грубых валунников до тонких лессовидных пород, от раннеплейстоценовых до раннеголоценовых отложений, от маломощного дернового покрытия коренных пород до многометровых толщ склонового генезиса. Склоновый тип отложений в Южном Приангарье занимает доминирующее положение и развит очень широко.

Южное Приангарье целиком входит в Ольхонско-Приангарский сосново-лесостепной округ южного лесостепного геоботанического комплекса Иркутской области. Его составляют 2 подокруга, первый из которых – Унгинско-Осинский, содержит растительные виды западно-евразийских лесостепей и степей, а второй – Ольхонско-Кудинский, тяготеет

к даурско-монгольскому типчаковому комплексу. Степные луговые и типчаковые станции в целом привязаны к террасовидным участкам речных долин, по склонам же, увалам и плоским водоразделам преобладают сосновые и лиственничные леса (Бояркин, 1974, Атлас Иркутской обл., 1960).

Таким образом, Южное Приангарье – территория многих контактов различных природных обстановок. Надо полагать, подобная принципиальная ситуация неоднократно имела место и в древности, что, возможно, оказывало воздействие на географию расселения древнейших обитателей Приангарья, облик их культуры и характер взаимоотношений.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ

ВВЕДЕНИЕ

В 2001 г. исполняется 130 лет со времени открытия первой на территории России археологической стоянки, датированной палеолитом. Открытие И.Д. Черским и А.Л. Чекановским в 1871 г. местонахождения Военный госпиталь, носившего долгое время название «иркутская находка 1871 года», спустя столько лет несет в себе еще множество вопросов, на которые так и не найдены ответы. Двумя основными причинами их открытости являются отсутствие точной привязки места расположения земляных работ и раскопок И.Д.Черского и А.Л. Чекановского, в ходе которых были сделаны первые находки, и пропажа коллекции по причинам, до сих пор невыясненным.

История изучения Военного госпиталя поделена нами на 3 этапа. Первый этап – история открытия и первоначального изучения, включает описание ситуации открытия стоянки и краткий рассказ о роли каждого из его участников, в круг которых нами включены И.Д. Черский, А.Л. Чекановский и В.А. Бельцов. Данный этап выделен нами на основании того, что все написанное в это время опирается на наличествовавшие в то время «незарытые» ямы, а также коллекцию находок, за исключением каменных стрел.

Второй этап – история изучения с конца XIX в. и до конца 30-х гг. XX в. – имеет историографический характер и включает в себя схемы, краткие резюме и мнения разных ученых о культуре Военного госпиталя. Он выделяется нами на основании того, что за указанный период в районе Знаменской (Колокольной) горы не производилось никаких археологических изысканий.

Описание работ И.В. Арембовского и Л.Н. Иваньева нами принято считать за переходный из второго этапа в третий по той причине, что их

работы состояли из двух частей. Первую из них, а именно раскопки 1935-1938 гг., считая первой попыткой возрождения археологии в означенном районе, относим к концу второго этапа, а работы 1951 г. – к началу третьего этапа возрождения археологических исследований на Знаменской горе.

Итак, этап третий истории изучения стоянки выделяется более точным, достоверным и современным, относительно использованной терминологии, характером информации о находках и ситуации их обнаружения. Цели работ этого этапа, в основном, сводятся к трем пунктам: 1) попытке обнаружения места работ И.Д.Черского и А.Л. Чекановского в 1871 г.; 2) определению площади распространения находок по территории Знаменской (Колокольной) горы; 3) уточнению геостратиграфической ситуации их залегания.

Помимо истории, изучение местонахождения в конце 1999 - начале 2000 г. получило перспективы своего развития, о которых будет сказано в заключении.

КРАТКИЙ ГЕОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Город Иркутск с пригородами расположен в зоне впадения рек Ушаковка и Иркут в Ангару включает разновозрастные и разноплановые геоархеологические местонахождения.

Наиболее важным фактором контролирующим размещение геоархеологических местонахождений плейстоцена являются палеогеоморфологические обстановки прошлого. Существуют две противоположных гипотезы развития этой территории. Согласно одной древняя река Ангара на участке от истока на север сформировала единый комплекс аккумулятивных террас начиная с плиоцена с относительными высотами до 180 м. Другая модель развития территории предполагает, что сквозная долина рр.Ушаковки – Иркуты, совпадающая с линейной впадиной Предбайкальского краевого прогиба значительно древнее русла Ангары, заложенному по ангарскому разлому только в конце позднего плейстоцена и существенная часть плейстоценовых отложений слагает шлейфы и элювильно-пролювиальные образования. Геолого-геоморфологические и геофизические материалы, собранные по этой территории в 1999-2001 гг, подтверждают, что на правом борту Ангары нет собственно аллювия, а только выветрелый и переотложенный галечно-щебнистый элювий юрских песчаников, нет продольных эрозионных врезов русла Пра-Ангары, а в погребенном доплейстоценовом (?) рельефе выражены переуглубленные (по отношению к руслу Ангары) ложбины, в плане и по направлению приуроченные к сквозной долине Пра-Иркуты-Ушаковки; неровные склоны перекрыты многослойными шлейфами с делювиальными, пролювиальными, солифлюкционными, почвенными, криогенными образованиями, формирование которых непрерывно прослеживается с раннего-среднего плейстоцена, а, возможно, и ранее. Наиболее вероятным предполагается существование древних комплексов аллювия Пра-Иркуты-Ушаковки, дренировавших впадины Предбайкальского и Присаянского краевых прогибов, но решение этих вопросов требует дальнейших исследований.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ

Археологическое местонахождение Военный госпиталь, открытое в 1871 г., стало первенцем российской археологии эпохи палеолита. Если уточнять дату открытия стоянки, то в «Летописи...» Н.С.Романова в разделе, посвященном этому году, мы видим следующую запись: «Сентябрь. При постройке военного госпиталя близ кирпичных сараев Косовича и Молькова, вырыто несколько каменных стрел, глиняных изделий, различных изделий из мамонтовых бивней, пробуровленные клыки оленя и необделанные кости некоторых животных» (Романов, 1914, с.269). В летописи указывается, что строительство здания военного госпиталя было лишь причиной земляных работ, в ходе которых «близ кирпичных сараев Косовича и Молькова» были сделаны первые находки, а не местом их проведения. Первыми предметами, найденными на Знаменской горе, по И.Д.Черскому, являлись каменные стрелы и изделия из мамонтовых бивней вместе с пробуровленными клыками оленя (Черский, 1872).

«Обстоятельство это обратило на себя внимание члена Сибирского Отдела Географического Общества В.А.Бельцова...» (Там же, с.167). Поэтому, по нашему мнению, в случае с Военным госпиталем можно говорить об открытии «де-факто», т.е. сборе первых предметов В.А. Бельцовым, и открытии «де-юре», т.е. об их научной интерпретации И.Д. Черским. Сбор первых находок местонахождения был первой частью вклада В.А. Бельцова в судьбу коллекции артефактов, которая, как считалось раньше, пропала в пожаре 1879 г. Подобную точку зрения мы находим у Н.И. Витковского (Витковский, 1889, с.16). Впервые иное мнение было высказано В.Е. Ларичевым. В работе «Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч.2» он пишет, что «все находки И.Д. Черский передал В.А. Бельцову и с тех пор их никто не видел. По-видимому, они пропали после смерти хозяина, а не в результате иркутского пожара 1879 г., когда сгорело здание Сибирского отдела Географического общества. Во всяком случае, И.Д. Черский, который занимал пост куратора отдела, и, следовательно, знал обо

всех коллекциях хранилища, указывал, что он находок, обнаруженных у Военного госпиталя, среди них не видел» (Ларичев, 1972, с.32). Однако, в ходе изучения трудов И.Д.Черского факта передачи и подобного указания о судьбе коллекции после пожара 1879 г. не было обнаружено. Но была встречена цитата И.Д.Черского, в которой говорится: «К величайшему сожалению, по обстоятельствам, от меня не зависящим, я не мог пользоваться иркутскими стрелами при описании остальной части, так как все они были сейчас же взяты лицом, открывшим место находки, и до сих пор даже я ничего не знаю об окончательной участи этих орудий» (Черский, 1891, с.698). Основывая свои рассуждения на этой цитате, можно прийти к выводу, что и остальная часть коллекции была взята В.А. Бельцовым, а также предположить, как и В.Е. Ларичев, о ее пропаже после смерти хозяина.

Первым человеком, сообщившим в научной литературе о находках, сделанных г.Бельцовым, был Александр Лаврентьевич Чекановский (Чекановский, 1872). Именно под его и И.Д.Черского наблюдением производилась последовавшая за попаданием в руки последнего находок В.А. Бельцова раскопка. Результатом этой работы стали «... кости млекопитающих, в их числе г. Черский отмечает: суставной конец левой лопатки *Equus (caballus?)* и поясничный позвонок *Bos (priscus?)*, на котором заметны следы режущего орудия» (Там же). Помимо этих ролей, А.Л.Чекановским было сделано описание геологического слоя, содержащего культурные остатки. Оно выглядит следующим образом: «Все доселе найденные предметы находились на глубине 2,1 метра, в буровой, ненаслоенной глине, лежащей на юрском песчанике, которого поверхность была преобразована размывами, предшествующими отложению глины» (Там же).

Описание культуросодержащего слоя было так же сделано и человеком, сделавшем открытие Военного госпиталя научным. Первоначально в статье «Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода» Ивана Дементьевича (Доминиковича) Черского оно

выглядело следующим образом: «Толща ненаслоенной глины, покрывающая в окрестностях города юрские породы, заключала в себе все эти вещи, на глубине 2,1 метра... Древность этой глины определяется находимыми в окрестностях города костями мамонта (дер. Жилкино и предместье Протоки), носорога и современного ему быка (по Ушаковке), а так же раковин *Succinea*, *Pupa* и *Helix*» (Черский, 1872, с.167). Позднее в работе «Описание коллекции...» им было сделано уточнение описания геологической картины залегания находок. «Все предметы иркутской паходки были вырыты на глубине 2,1 метра в слое лессовидного суглинка эолического происхождения» (Черский, 1891, с.696). Помимо этого, Иван Дементьевич описал сами находки, которые на момент публикации работы «Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода» состояли: «1) из различных изделий из мамонтовых бивней (рис.4, 1,2,6,7); 2) из пробуравленных клыков оленя; 3) каменных стрел; 4) глиняных изделий (рис.4, 3-5) и 5) необделанных костей некоторых животных» (Черский, 1872, с.167). Все эти находки, за некоторым исключением, были сделаны в 1871 г. Остальная же часть коллекции была обнаружена в июне 1872 г. В это время И.Д. Черским совместно с г. Гартунгом была «сделана прогулка к месту прежней раскопки» (Черский, 1872, с.169). Результатом этой прогулки стали «несколько обломков костей» и обнаружение «небольших, угловатых черепков, ближайшее исследование которых показало, что они состоят из обожженной глины» (Там же). Итак, глиняные изделия были найдены не вместе с остальными находками, а через год и, как описывает сам И.Д.Черский, «в яме, где производилась прежняя раскопка» (Там же). Это указывает на то, что на момент обнаружения этих находок она была уже выбрана и изделия попали в нее, вероятно, случайно. Следующей частью вклада И.Д.Черского в дело открытия и изучения Военного госпиталя было определение и описание найденных костей. Из статьи 1872 г. мы видим, что это и стало причиной попадания коллекции в руки Ивана Дементьевича. Необделанные кости были отнесены им к следующим животным: «1)

допотопному быку (*Bos priscus* Voj), 2) обыкновенной лошади (*Equus caballus*), 3) обломки ребер и мелкие, неопределенные куски костей, при чем некоторые указывали на присутствие млекопитающих средней величины, и наконец 4) обломки тел трубчатых костей крупных птиц» (Черский, 1872, с.172). Наиболее важной частью этой работы И.Д.Черского являются выводы, сделанные им. Особенно важен последний из них, где говорится: «Древность каменных предметов должна быть отнесена к каменному периоду, может быть, к его средним векам» (Там же). Такова первоначальная датировка этой стоянки И.Д. Черским.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ:

конец XIX в. – начало 30-х годов XX в.

Рассматривая работы этого этапа, начать следует с работы признанного авторитета российской археологии того времени графа А.С.Уварова «Археология России. Каменный период. Т.1». В данной работе непосредственно до начала описания иркутской находки им было сформулировано более точная, нежели у И.Д.Черского, датировка культурных остатков у военного госпиталя, звучащая следующим образом: «Я полагаю, что иркутскую находку надо отнести к самому концу палеолитической эпохи» (Уваров, 1881, с.230). Но в процессе работы он приходит к мнению, что «... согласиться с последним параграфом его выводов, мне кажется, никак невозможно. Во-первых, несомненная древность иркутской находки и состояние найденных костей доказывают, что тут была также стоянка палеолитической эпохи, на которой накопились кучи кухонных остатков» (Там же, с.231). В данной цитате А.С.Уваровым впервые оговаривается вероятность многослойности иркутской стоянки. Причиной этого, по Уварову, стало то, что «На всех иркутских украшениях виден отпечаток такого культурного развития, до которого человек мог прийти только по истечении весьма значительного промежутка времени» (Там же). Помимо его несогласия с последним пунктом выводов Черского, сделанных в статье «Несколько слов о ...» (Черский, 1872), Уваровым также была подвергнута сомнению синхронизация глиняных изделий со всей коллекцией. Вот что он писал по этому поводу: «По рисунку И.Д.Черского нельзя понять настоящее назначение таких предметов и даже убедиться в настоящей древности этих гончарных изделий. Впрочем, И.Д.Черский говорит, что большая часть этих изделий найдена в яме, где проводилась самая первая раскопка, и на той же глубине; но некоторые предметы вырыты так же и в соседней яме, на расстоянии почти двух метров. Затем не объяснено, не могли ли эти гончарные изделия извне попасть в открытую и покинутую яму» (Уваров, 1881, с.231). Однако, в ходе анализа он приходит к

выводу, что «... я вправе назвать эту попытку неудавшеюся, но все-таки, как попытка в гончарстве» (Там же, с.231). И подводит итоговую черту своим рассуждениям следующей фразой о том, что «... она более еще чем изящество остальных украшений, убеждает меня, что вся Иркутская находка должна быть отнесена к концу палеолитической эпохи» (Там же). Таким образом, «иркутская находка 1871 года» была признана первой на территории Российской империи палеолитической стоянкой.

Помимо всего положительного вклада, сделанного А.С. Уваровым в дело открытия и введения в научный оборот коллекции иркутских находок И.Д.Черского и А.Л. Чекановского, им была допущена одна неточность, повлекшая за собой разного рода последствия. Она касается описания ситуации обнаружения стоянки. Если в работе Черского здание военного госпиталя использовалось как ориентир «... одной из гор правого берега Ушаковки...» (Черский, 1872, с.167), то в работе А.С. Уварова мы читаем: «... напали на остатки глубокой древности при закладке военного госпиталя в Иркутске, на одной из гор правого берега речки Ушаковки...» (Уваров, 1881, с.231). В данной фразе здание было использовано не столько как ориентир «одной из гор», сколько самого места раскопок, которым, судя по Уварову, должен был являться его котлован. Допущенная Уваровым неточность впоследствии стала основой ошибок других исследователей, а, возможно, и появления названия самого местонахождения – Военный госпиталь, здание которого стало непоколебимым ориентиром.

Следующей работой является статья Н.И. Витковского «Следы каменного века в долине р. Ангары» (Витковский, 1889). Эта работа несет в себе лишь краткое резюме относительно находок в Иркутске, интересное для нас примером двух ошибок, заключенных в следующей фразе: «... в 1871 г. на том месте, где ныне военный госпиталь, найдены были весьма интересные остатки культуры первобытного человека... уничтожены пожаром 1879 года...» (Витковский, 1889, с.16). Первая из них была, по-видимому, следствием того, что при подготовке статьи Витковский опирался не на

работу Черского, а на монографию графа Уварова и касается места расположения первых раскопок. О второй, касающейся судьбы находок, мы говорили в первой главе.

Работая с трудами И.Д.Черского, был сделан вывод, что учеными, касавшимися темы Военного госпиталя, незаслуженно обделена вниманием работа И.Д.Черского 1891 г. «Описание коллекции млекопитающих животных, собранных Новосибирской экспедицией 1885-1886 гг.», в которой представлен более тщательный анализ находок 1871-1872 гг. Поэтому попытаемся вкратце осветить эту часть монографии. Начать следует с того, что при разборке находок у военного госпиталя И.Д. Черским применяются методы экспериментальной археологии, которые он приводит в противовес мнению о неолитическом характере предметов «иркутской находки». Об этом говорится в следующем высказывании Черского о том, что «найдя в ископаемом состоянии кусок кости, с которым производились древнейшие опыты такого рода псевдотокарного производства, мы не замедлили бы заподозрить в них дело рук неолитических жителей. А между тем, кто (из людей беспристрастных) может поручиться, что подобные опыты, завлекающие и поражающие неожиданным изяществом даже самых ближайших своих результатов (напр. красивые и гладкие борозды), были непосильными древнейшему представителю постплиоценового человека...» (Черский, 1891, с.694-695). Следующим заинтересовавшим нас моментом является описание причины столь обширной первоначальной датировки Иркутской стоянки. Первое ее указание выглядит следующим образом: «... при ее написании (в 1872 г. в Иркутске), я не мог пользоваться ни одной книжкой, относящейся к этому вопросу, с которым я был знаком в то время лишь крайне поверхностно; и о существующих классификациях каменного периода я почти не имел тогда понятия...» (Там же, с.696). Теперь же следует указать цитату, посвященную высказанному в 1872 г. И.Д. Черским мнению о древности иркутской находки. «Не пользуясь в то время литературой, я не мог однако вдаваться в какие-либо подробности определения древности

найденных изделий и, понимая под «каменным периодом» всю эпоху употребления неметаллических орудий, а следовательно как отбивного, так и шлифованного камня, в последнем (№ 6) из сделанных мною выводов, я выразился тогда только, что «древность найденных предметов должна быть отнесена к каменному периоду, - может быть к его средним векам» (Черский, 1891, с.699-700). Ниже следует замечание о том, что «... при определении относительной древности данной археологической находки, я не могу придавать диагностического значения ни таким примитивным глиняным изделиям, ни обделанной кости вообще (в смысле Мортилье), ни, наконец, выпиливанию и шлифованию вещиц и колец из мамонтовых бивней...» (Там же, с.700). Итогом этой работы стало изложение «особенностей и условий иркутской находки», на основании которых была уточнена датировка. Они сводятся к следующим шести пунктам: «1) Возраст и характер почвы, в которой найдены эти древности и сопровождающая их фауна... 2) Присутствие одних лишь отбивных орудий. 3) Характер отбивки орудий... 4) Изящность отделки некоторых вещиц из мамонтовых бивней... 5) Способ образования отверстий... 6) Наконец, ... то обстоятельство, что изящная и ловкая отделка наблюдается только на предметах роскоши» (Там же, с.700-701). Уже в то время И.Д.Черский, анализируя коллекцию предметов, добытую в Иркутске, и глядя в будущее, говорил: «Принимая во внимание все выше сказанное, я полагаю, что если бы все особенности характера иркутской находки могли укрепиться и подтвердиться со временем большим количеством добытых с той же местности изделий, то ей, т.е. находке этой, следовало бы придать сравнительно еще большую древность, нежели та, какую ей можно приписывать при наличном числе найденных до сих пор предметов» (Черский, 1891, с.702). Но на тот период времени уточненная датировка звучала следующим образом: «... если сделать попытку и ныне поставить эти изделия в возможную параллель с западно-европейскими, к тому же, если известному подразделению палеолитической эпохи Мортилье (Chellen, Mousterien, Solutren и Magdalenien...) придавать не более, как

значение четырех более или менее равных частей (четвертей) продолжительности всего палеолитического периода, то мне кажется, что иркутскую находку 1871 г. можно отнести не иначе, как к Солютре, или к самому началу Магдаленской части палеолита, желая этим скорее уменьшить, нежели преждевременно увеличивать ее древность» (Там же).

Работа В.А.Городцова «Первобытная археология» является трудом еще одного ученого, который не будучи знаком напрямую со всеми особенностями Иркутской находки 1871 г., схематично высказал свое мнение о местонахождении. Оно интересно тем, что, во-первых, в описании геологического слоя он пишет, что «остатки эти залежали в лессе субэрального происхождения...» (Городцов, 1908, с.108), чего не было встречено ни у Черского, ни у Чекановского. И, во-вторых, по неизвестным нам причинам у Городцова «найденные в Иркутске вещи залежали в двух горизонтах: на глубине 2 и на глубине 3 аршина» (Там же). Итак, по Городцову, находки располагались в двух горизонтах, а уже «исследователи И.Д. Черский и А.Л. Чекановский, по-видимому, не могли разделить вещи по горизонтам их залегания, вследствие чего произошло смешение древнейших вещей с позднейшими...» (Там же, с.108-109). Но все же В.А.Городцов делает вывод, что «... если действительно, некоторые из этих вещей найдены на глубине 3 аршина от поверхности и залежали в одном горизонте с костями выше поименованных животных, то они должны относиться к палеолитической эпохе» (Там же, с.109).

Работа А. Спицына «Русский палеолит» носит историографический характер и содержит лишь краткую справку об обнаружении в Иркутске костей древних животных «и с ними различных поделок» (Спицын, 1915, с.169). Работа представляет интерес очередной порцией неточностей в описании. Во-первых, неверно указывается глубина залегания находок. У Спицына говорится о «глубине 1 саж. » (Там же). Второй случай касается описания изделий из мамонтовых бивней, которые у Черского представлены как «цилиндрические, короткие столбики, несколько суживающиеся к своей

пробуравленной середине» (Черский, 1872, с.108). У Спицына же мы читаем о «5 экз. интересных катушек из мамонтовой кости...» (Спицын, 1915, с.169). В данной работе автором не делается вывод о древности остатков, возможно, он предполагается названием монографии. Единственное, что сделал А. Спицын в конце описания «иркутской находки» так это высказал следующее: «Жаль, что эта интереснейшая и богатая стоянка остается неисследованной и потому непонятной» (Там же).

Теперь перейдем к краткому описанию части труда, посвященному «иркутской находке 1871 года», в котором сделаны выводы, вызвавшие наибольшее число возражений. Речь идет о работе 1923 года Б.Э. Петри «Сибирский палеолит». Там же у Б.Э. Петри указана глубина залегания находок отличная от глубины, указанной И.Д. Черским. Вот как она описана у Б.Э. Петри: «Все вещи залегали в толще ненаслоенной глины на глубине от 1 до 2 метров» (Петри, 1923, с.24). На наш взгляд, причиной этой ошибки явилось мнение автора о культуре этого местонахождения, датированного им неолитом. Это мнение основывалось на том, что: во-первых,... конические сверлины - явление для Сибири характерно-неолитическое» (Там же, с.26), во-вторых, на наличии глиняных изделий. Если говорить о датировании этих находок палеолитом, то Б.Э. Петри считает, что «все, что может нас несколько убедить в принадлежности этих предметов к палеолиту это то, что они сделаны из мамонтового бивня и вышлифовать столь большого диаметра браслеты из лежалого бивня, конечно, трудно – только свежий бивень мамонта может поддаться этой технике (Там же). Но тут же приводит контраргумент, что «... мы не должны забыть то, что современные инородцы находят прекрасно сохранившиеся в мерзлоте бивни и выделывают из них удивительно художественные ажурные вещи. Тоже могло быть и с выше описанными предметами...» (Там же). Итогом этой части работы стал следующий вывод: «Таким образом, разбор исчезнувшей коллекции приводит нас к заключению, что ни одного палеолитического предмета, за исключением сомнительных костей не найдено – все неолит» (Там же, с.27).

Однако, уже как послесловие Б.Э. Петри было высказано мнение о том, что «отнюдь не желая развенчать значения «Иркутской находки», я лишь указываю на то, что присутствие палеолитического человека ею не доказано. Но есть все данные для того, чтобы он был открыт» (Там же, с.28).

Одной из последних работ этого периода, затронувшей тему «Иркутской находки», является труд Г.П. Сосновского «Палеолитические стоянки Северной Азии». Относительно рассматриваемой темы он интересен по следующим причинам: во-первых, в данной работе в анализ находок Черского и Чекановского была введена возможность их сравнения, описанная в следующей цитате: «... при недавних раскопках древне-каменного периода у с. Мальта по р. Белой были добыты необычные для сибирского палеолита изделия, позволившие по аналогии с ними уяснить и значение вещей, обнаруженных 60 лет тому назад при постройке военного госпиталя» (Сосновский, 1934, с.246). К тому же данное высказывание несет в себе начало оспаривания Г.П. Сосновским мнения Б.Э. Петри о неолитическом характере «иркутской находки 1871 года». В данной цитате идет оспаривание одной из его причин Б.Э. Петри, а именно костяных изделий, наличие которых относит «иркутскую находку» к эпохе неолита. Продолжением этого является цитата о том, что «Прежде всего ошибочно в ассортимент находок включают обломки неопределенных глиняных изделий. Последние были найдены не вместе с каменными и костяными поделками, а через год, возможно, и не в том же самом месте и вообще в условиях недостаточно выясненных, в слой лессовидного суглинка они могли попасть случайно, как поздние предметы и их нельзя рассматривать как объекты, современные образованию лессовидного слоя...» (Там же, 1934, с.270). И, наконец, последней причиной является представленная в виде приложения таблица, в которой суммированы выводы, касающиеся представленных в монографии местонахождений. Попытаемся вкратце изложить содержание ее части, относящейся к Военному госпиталю. Она выглядит следующим образом: «геологическая эпоха» датируется «концом ледникового времени».

«Характер археологических остатков» относит их к «ранней стадии верхнего палеолита...». «Инвентарь» описывается следующим образом. «Основная масса костяных изделий готовится из бивней мамонта. Расцвет в обработке кости...». «Бытовые и хозяйственные особенности общества», по Сосновскому, представлены «охотой на крупных млекопитающих» (Там же, с.295).

Данная работа была бы крайне неполной в случае отсутствия мнения великого русского ученого М.М. Герасимова. К сожалению, нам недоступна его работа «Памятники дородового общества Прибайкалья», в рукописи которой оно было высказано. Единственное, что мы можем сделать в этом случае, сослаться на работу И.Л. Лежненко и Ю.П. Лыхина, в которой вкратце упоминается, что «М.М.Герасимов вслед за Б.Э.Петри считает, что датировать памятник можно еще в более широком диапазоне каменного века (ранний отдел позднего палеолита – неолит) на том основании, что в коллекции Военного госпиталя вместе с плейстоценовой фауной присутствуют «несомненно поздние, неолитические предметы: керамика, наконечники стрел и т.д. (Герасимов, 1937, с.110)» (Лежненко, Лыхин, 1986, с.21).

Работы И.В. Арембовского и Л.Н. Иваньева состояли из 2 этапов. Причины и цели первого из них описываются ими следующим образом. «Новые представления о палеолите Восточной Сибири, в частности бассейна Ангары, заставили в 1935-38 гг. произвести дополнительные исследования по правому берегу р.Ушаковки и в районе раскопок И.Д.Черского, с целью уточнения стратиграфии находок» (Арембовский, Иваньев, 1953, с.53). Результатами этих исследований стало то, что, во-первых, «... было установлено, что стоянка располагается на мысообразном выступе высокой террасы (третьей по Домбровскому)...» (Там же). Далее было произведено уточнение геологической ситуации залегания находок: «В непосредственной близости от места находок И.Д.Черского, не далее 50 м, в искусственном обнажении удалось выявить характер отложений...» (Там же). Наиболее

интересным для нас моментом его описания является то, что «в данном пункте на глубине 1,8-2,2 м хорошо выражен погребенный почвенный горизонт, расположенный между лессом и суглинком. Простираение этого горизонта прослеживается по направлению места находок И.Д.Черского...» (Там же). Результат геологической части изысканий, по мнению авторов, «... дает основание увязать палеолитическую стоянку с погребенной почвой» (Там же). Помимо использования в виде причины, направления простираения этого горизонта в сторону находок И.Д.Черского, а вторыми указываются и археологические находки, обнаруженные в нем. Они состоят из костей древних животных и особенно выделяющейся находки, состоявшей из нижней челюсти сибирского носорога, внутри которой находилось дисковидное орудие из сидерита (рис.4-1). Обобщающий вывод работ 1935-1938 гг., включенных нами в третью главу, был сделан авторами в статье 1953 г. и будет приведен нами ниже.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ:

начало 50-х гг. XX в. – конец XX в.

Работы И.В. Арембовского и Л.Н. Иваньева 1951 г. явились логическим продолжением работ 1935-1938 гг. и, по-видимому, имели своей целью выяснение площади распространения археологического материала по территории Знаменской (Колокольной) горы. В этом году «исследованию подверглись мысообразный выступ, на котором в 1871 г. И.Д. Черский произвел раскопки, и окрестности в радиусе 2 км, главным образом карьеры бывших кирпичных заводов...» (Арембовский, Иваньев, 1953, с.54). Работы этого периода так же были отмечены интересными находками. Во-первых, «... обнаружена тазовая кость сибирского носорога (*Rhnoceros tihorhius*) частично со следами обжига (рис.3-2а,б,в). Кость лежала на слое ожелезненной супеси и была разбита на несколько частей» (Там же). Во-вторых, «... в северном углублении, в 50 м от предыдущего на той же глубине обнаружена большая берцовая кость крупного вида северного оленя (*Rangifer tarandus*), искусственно сколотая и заостренная на одном конце в виде лопатки (рис.4-3), представляющая собою долотообразное костяное орудие, подобное находке Черского. Около орудия лежал обломок от искусственно расколотой нижней челюсти песца. Орудие и челюсть были извлечены из слоя ожелезненной супеси, в которой в значительном количестве встречаются примеси древесного угля и известковые включения. Толщина ее незначительна и колеблется в пределах 5-10 см. Примерно ту же картину залегания палеолитических остатков представляет исследованная М.М.Герасимовым стоянка на Кайской горе в Иркутске» (Там же, с.54-55). Эта цитата интересна для нас по двум причинам: первая – это описание картины залегания находок, которая в отличие от «погребенного почвенного слоя» раскопок 1935-1938 гг., представлена «слоем ожелезненной супеси», что в очередной раз подтверждает мнение о многослойности Военного госпиталя. Вторая – это сравнение «картин залегания палеолитических остатков» со стоянкой на Кайской горе, что немаловажно в случае описания

«стоянки в предместье Марата» (Там же), не сравнивавшаяся до этих пор ни с одним местонахождением в плане геостратиграфии находок. Итогами исследований стоянки за 30 лет, по мнению Арембовского и Иваньева, стало то, что «... мы имеем дело с памятником средней фазы палеолита, во всяком случае не позже солютрейского этапа» (Там же, с.55). Поводом к подобной датировке стал комплекс причин, включавший в себя: 1) палеонтологические данные; 2) археологические данные, а также 3) «находка одним из авторов статьи в Восточном Забайкалье изделий из мамонтовой кости, подобных описанному И.Д.Черским, совместно с такими руководящими формами солютре, как остроконечники с выемкой» (Там же). Относительно площади распространения археологического и палеонтологического материала сделано заключение, что «наши обследования, проводившиеся с 1935 г., доказали, что следы древней культуры, впервые выявленные И.Д. Черским, имеют широкое распространение на рассматриваемой территории» (Там же).

В течение почти 30 последующих лет на Знаменской горе, за исключением надзора за прокладкой водопровода, осуществленном в 1965 г. (Г.И. Медведев, З.А. Абрамова, С.М. Цейтлин), не проводилось никаких археологических изысканий. На протяжении этого периода времени Военный госпиталь упоминался лишь в работах историографического характера (Окладников, 1950; Ефименко, 1953; Формозов, 1961; Береговая, 1966).

И лишь в 1980 г. начались работы (И.Л. Лежненко, Ю.П. Лыхин), суть которых сводилась к выделению зоны археологического надзора и охранной зоны памятника «Военный госпиталь» (рис.5,5), которая была определена следующим образом. «В соответствии с Законом РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» решением Иркутского облисполкома № 173 от 9.04.1986 г. была утверждена охранная зона памятника в границах, определенных следующими позициями: Куйбышевский район, северо-восток – ул.Кочубея, юго-запад – ул.Войкова, юго-восток – ул.Радищева, северо-запад – ул.Киренская, площадью 39 га (рис.4; 5). Решением облисполкома № 149 от 25.03.1985 г. археологический

памятник Военный госпиталь принят под государственную охрану местного значения» (Лежненко, Лыхин, 1986, с.20).

После установления границ и размеров охранной зоны памятника все земляные работы в этом районе должны были проводиться с разрешения и под наблюдением археологической службы ЦСН, которой помогали сотрудники Лаборатории археологии ИГУ. Причиной работ лета 1984 г. стало предполагаемое строительство холодильника в зоне надзора. Целью работ, проведенных сотрудником лаборатории Е.М. Инешиным и студентом исторического факультета ИГУ А.А. Хамнушкиным, было выявление объема возможных разрушений и границ распространения материала, а также сохранности культуровмещающих отложений и научной значимости памятника.

Относительно отложений было установлено, что они «... сохраняются на небольшом северном участке испрашиваемой территории, на месте усадеб № 18 и № 18а по ул. Николаева» (Инешин, 1985, с.2). Относительно же границ распространения материала было лишь подтверждено то, что район залегания находок не ограничивается площадью госпитально-хозяйственного комплекса, поскольку артефакты (скребло на кварцитовом отщепе (рис.8-1) и отщеп (рис.8-2) и фаунистические остатки были обнаружены в шурфе № 4, заложенном по ул. Николаева. Вывод Е.М. Инешина по результатам этих работ звучит следующим образом. «На основании описания разреза, выполненного И.Д. Черским, и современного изучения можно заключить, что культурные остатки, найденные в 1871 г., приурочены к сартанским оглееным супесям, т.е. находились в тех же отложениях, что и артефакты шурфа № 4» (Там же, с.3). Работы Е.М. Инешина были единственными за время изучения стоянки в XX веке, в процессе которых был заложен шурф на контакте с фундаментом здания военного госпиталя, предполагаемого места работ И.Д.Черского и А.Л.Чекановского. Остальные работы проводились либо на контакте, либо в непосредственной близости от него. Так было с работами сотрудников ЦСН по отработке договора о землеотводе под

строительство колбасного цеха на пересечении улиц Киренской и Госпитальной, о результатах которых, к сожалению, нам ничего неизвестно.

Результаты работ 80-х годов были суммированы в статье «Палеолитическая стоянка Военный Госпиталь», опубликованной в путеводителе экскурсии № 3 «Прибайкалье» Международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки» (Воробьева, Инешин, Медведев, 1990, с.64-67). По мнению авторов, ими стали, во-первых, уточнение геостратиграфической ситуации местонахождения, во-вторых, получение не противоречащей мнению исследователей о возрасте одной из ранних генераций трещин радиоуглеродной даты 29700±500 л.н. (ГИН-4440), в-третьих, залегание археологического (рис.9) и остеологического материала в четырех уровнях, два из которых разделены 0,2 м «пустого» пространства. На их основе был сделан вывод о том, что «На сегодняшний день следует считать оптимальной суммарной характеристикой инвентаря Военного Госпиталя, как единого комплекса» (Там же, с.66). Итогом работы стало мнение, что «Все артефакты имеют оригинальное индивидуальное представительство, лишены статистического обеспечения и в суммарном рассмотрении скромный ансамбль Военного Госпиталя продолжает иметь «декларативный» характер. Но тем не менее, находки 1983, 1985, 1988 гг. являются документом, утверждающим производственную деятельность палеолитического человека на территории, занятой ныне городом, в 30-м тысячелетии от наших дней. Это первый палеолитический памятник, открытый в XIX в. в России (Там же, с.67).

Работы В.В.Краснощекова, отчетом о которых мы располагаем, проходили летом 1997 г. Их объекты располагались на улицах Пшеничная падь, Лесная и Николаева. Наиболее интересными являются результаты работ на последней из них, как наиболее близкой к территории госпиталя. Их главной особенностью является то, что коллекция находок, обнаруженных у

военного госпиталя, впервые была дополнена артефактами, изготовленными из аргиллита (Краснощеков, 1998а).

Новый цикл наиболее масштабных работ, начатый в конце 1997 г. и продолженный в 1998 г., был проведен в рамках обязательной археологической экспертизы строящегося объекта (средняя школа) в охранной зоне памятника. На участке размерами 80-150 м, непосредственно прилегающем к территории госпиталя с юга, было заложено 25 шурфов и траншей. Целью работ являлось уточнение масштабного распространения археологического и палеонтологического материала по площади строительства, детализация стратиграфического описания геологических отложений и распределения в этих отложениях культурных остатков. Участок работ располагается в правобережной части междуречного пространства долин рек Ангары и Ушаковки (рис.10). По рельефу он представляет собой выступ юрских пород, ограниченный двумя разломными зонами. Интенсивное освоение человеком территории в последние столетия изменило верхнюю часть покровных отложений, к которым относятся «археологические слои», поэтому любые «археологические проявления» на этом участке имеют большую научную значимость и ценность. По мнению авторов отчетов о проведенных археологических изысканиях, стратиграфическая картина, представленная в них, повторяет результаты работ 1983, 1985 и 1988 гг. Отличия связаны лишь с выделением дополнительных горизонтов и замещением одних слоев другими. Важным итогом фактом является наличие фрагментов, по крайней мере, четырех палеопочв и выделение в зависимости от возраста, мощности и наполнения, по меньшей мере, четырех генераций криогенных жил. Археологический материал был обнаружен в нескольких шурфах, в отложениях различного возраста и генезиса. Наиболее древний артефакт был найден в западной части обследованного участка (шурф № 7) на глубине 2,2 м в верхней части песчаной толщи с фрагментами палеопочв, что определяется как отложения муруктинского генезиса с остатками почв казанцевского (kz) времени

(рис.11-1, слой 8). Артефакт представляет собой фрагмент пластины серого кембрийского кремня (рис.11-2). Пластина была снята в древности с нуклеуса леваллуазской технологии, свойственной мустьерским технокультурным вариантам. Она подтреугольная в поперечном сечении с негативами предшествующих снятий, имеет фасетированную площадку. Размеры сохранившейся проксимальной части пластины 2,2x2,4x0,7 см. Ископasmый экземпляр можно отнести к «микромустьерским» образцам продуктов расщепления (Медведев и др., 1997). Судя по контурам обломка и сохранившимся на его вентрале фасеткам полукрутой, ровной, захватывающей ретуши, изделие могло быть «острием». Все остальные артефакты и костные остатки обнаружены в слое солифлюцированного суглинка раннего сартанского возраста. Так, в восточной части участка (шурф № 11), на глубине 2,2 м от современной поверхности в подошве слоистого суглинка, на границе с корой выветривания, был обнаружен скол из светло-серого кварцита размером 5,6x3,2x1,4 см (рис.11-3). Площадка естественная, без дополнительной, обработки, сохраняет галечную корку. Снятия по обоим фасам произведены во встречных направлениях. Здесь же в отвале желтых супесей эллювия юрских песчаников и современных почв, изъятых из строительной выработки в перемешанном состоянии зафиксирован фрагмент плоского нуклеуса из светло-серого кварцита размером 6,8x5,2x3,3 см. Его плоские фронт и контрфронт покрыты мелкочаеистой сеткой сильной эоловой корразии. На нуклеусе фиксируется облом и расслоение по контрфронту до корразии предмета, а также свежий косой облом тела, произведенный, вероятно, во время выборки грунта ковшем экскаватора (рис.12-1). Изделие имеет подобие фасетированной площадки (снятия производились во встречном направлении); на фронте негативы таких же снятий коротких и средних сколов с параллельными краями; приостренное контрфронтальной ретушью основание или вторую площадку. Приведенные детали морфологии артефакта – признаки среднеплейстоценовых технологий. Степень корразии соответствует

предложенному геологическому возрасту изделия. До сего времени в археологических коллекциях из ближайших окрестностей г. Иркутска подобных находок неизвестно. В слое раннесартанского солифлюксия (шурф № 17) был найден субтреугольный в плане обломок бивня мамонта со следами искусственной обработки (рис.12-4). Один край бивня, в отличие от противоположного, выщербленного и слойчатого, выровнен в результате резания (скобления?). Размеры обломка 11,4x7,4x3,2 см. На западном участке был заложен шурф № 18, давший наибольшее количество артефактов. Здесь в слое серовато-бурого слоистого тяжелого суглинка с включениями песка и дресвы были обнаружены: 1) фрагмент скола-сегмента долечного расщепления (рис.12-1); 2) массивный короткий скол серого кварца (рис.11-2); 3) кроме них в слое обнаружено 4 мелких отщепов из кварцита с частично сохранившейся галечной коркой (рис.11-3,4; 12-2,3). Наиболее массовым материалом в шурфах оказались фаунистические остатки, обнаруженные в суглинистых слоях, представляющих сартанские отложения раннего (sr^1) и среднего (sr^2) отделов. Фаунистический материал раннего и среднего сартана не отличается по составу, однако насыщенность раннесартанских отложений гораздо выше и остатки фиксируются здесь по всей толще раннесартанского солифлюксия, что может свидетельствовать о высокой степени переотложения. Фауна местонахождения представлена костями северного оленя, бизона, лошади, благородного оленя.

Датировка культуросодержащих отложений основана на данных геостратиграфии и на радиоуглеродной дате, полученной по костному материалу из кровли солифлюцированных суглинков раннесартанского возраста (шурф № 11), которая равняется 22900 ± 500 (ГИН-8512). По результатам работ были сделаны выводы о том, что раскопки 1997-1998 гг. в охранной зоне археологического местонахождения Военный госпиталь подтвердили его многослойность, наличие археологического материала не только в «... слое ненаслоенной глины» (Черский, 1872, с.168), которая, несомненно, представляет отложения среднего-позднего сартана (sr^2 - sr^4), по

и в более древних слоях, определяемых раннесартанским и, предположительно, муруктинским временем (Генсралов, 1998, 1998а, Генсралов и др., 2001, с.67-71).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги данной работы, хотелось бы сделать некоторые выводы.

1. Подавляющее большинство ученых (за исключением Б.Э. Петри и М.М. Герасимова), высказавших свое мнение о культуре Военного госпиталя, датировали его палеолитом.

2. В ходе работ на протяжении XX в. так и не было найдено ни одного изделия из кости, описанного И.Д. Черским, что является одним из доводов в пользу того факта, что место первых раскопок И.Д.Черского и А.Л. Чекановского, а так же место сбора первых находок В.А.Бельцовым так и не было обнаружено.

3. Результатами работ разных годов XX в. была доказана многослойность и обширность распространения находок местонахождения.

4. Отдельно хотелось бы отметить, что находки В.В.Краснощечекова на ул. Николаева, выполненные из аргиллита, по-видимому, относятся к остаткам культуры местонахождения им.Арембовского, коллекция артефактов которой более, чем на 80% состоит из находок, сделанных из аргиллита.

Помимо выводов, следует сказать о перспективах изучения палеолитического местонахождения Военный госпиталь. Они основываются на результатах работы А.С. Козырева, проведенной в фондах ГАИО по вопросу о месте расположения раскопок 1871 г. И.Д.Черского, документально подтвердивших, что территория военного госпиталя не была местом обнаружения первых находок. С кратким описанием хода работы, а также ее результатов можно ознакомиться в статье «Военный госпиталь: новые данные о месте расположения палеолитической стоянки» (Козырев, 2000). Хотелось бы процитировать вывод А.С. Козырева, который послужил причиной к охарактеризованию итогов проделанной работы как основы для перспектив изучения: «Существует большая вероятность того, что место обнаружения культурных остатков геоархеологического объекта Военный

госпиталь находится на территории бывших кирпичных сараев С.И.Косовича, расположенной (ныне) на 150-250 м северо-восточнее здания госпиталя» (Козырев, 2000, с.65). И как следствие, необходимо продолжить изыскания на указанной территории. Итог: история изучения Военного госпиталя не закончена, результаты промежуточные, местонахождение можно считать находящимся в преддверии очередного исследовательского этапа.

Документальное приложение № 1

О культуросодержащем слое

1. Все доселе найденные предметы находились на глубине приблизительно 2,1 метра, в буроватой, ненаслоенной глине, лежащей на юрском песчанике, которого поверхность была преобразована размывами, предшествовавшими отложению глины.

Чекановский, 1872, с.38.

2. Толща ненаслоенной глины, покрывающая в окрестностях города юрские породы, заключала в себе все эти вещи, на глубине до 2,1 метра и в пространстве не более 3-х кубических метров. Древность этой глины определяется находимыми в окрестностях города костями мамонта (дер.Жилкино и предместье Протоки), носорога и современного ему быка (по Ушаковке), а также раковин *Helix*, *Succinea* и *Pupa*.

Черский, 1872, с.167.

3. Все предметы иркутской находки были вырыты на глубине 2,1 метра в слое лессовидного суглинка эолического происхождения.

Черский, 1891, с.696.

4. Наносы, на которых выстроен город, и наносы на всех его окрестностях состоят из толщи ненаслоенной глины, покрывающей юрские породы. Древность этой ненаслоенной глины, буроватого цвета, которую

А.Л.Чекановский признал за лесс, определяется наличием раковин сухопутных моллюсков (*Helix*, *Pupa* и *Succinea*).

Уваров, 1881, с.231.

5. Остатки эти залежали в лессе субэриального происхождения, что доказывается присутствием в его слоях раковин сухопутных моллюсков (*Helix*, *Pupa* и *Succinea*) и многочисленными костями ископаемых животных.

Городцов, 1908, с.108.

6. В Иркутске при устройстве Военного госпиталя найдены были, на глубине 1 саж., в слое лесса и наноса...

Спицын, 1915, с.169.

7. Все вещи залежали в толще ненаслоенной глины... Эта глина, на основании исследований Чекановского, должна была быть отнесена к лессу...

Петри, 1923, с.24.

8. На эоловое происхождение лесса указывают найденные в нем ракушки сухопутных моллюсков (*Helix*, *Pupa* и *Succinea*).

Сосновский, 1934, с.270.

9. Геологическая эпоха: конец ледникового времени

Сосновский, 1934, с.295 (таблица)

10. ... на глубине 1.8-2.2 м хорошо выражен погребенный почвенный горизонт, расположенный между лессом и суглинком. Простираение этого горизонта прослеживается по направлению места находок И.Д.Черского, что дает нам основание увязать палеолитическую стоянку с погребенной почвой.

Арембовский, Иваньев, 1953, с.53.

11. ... на глубине 2 м обнаружена тазовая кость сибирского носорога... Кость лежала на слое ожелезненной супеси...

Там же, с.54.

12. Орудие и челюсть были извлечены из слоя ожелезненной супеси, в которой в значительном количестве встречаются примеси древесного угля и известковые включения.

Там же.

13. В отложениях разреза, в оглеенном суглинке были обнаружены артефакты...

Инешин, 1985, с.3.

14. Сизые и бурые легкие полосчатые суглинки, их направление подчеркивает форму морозобойной структуры. Мощность – 20 см-1м. Генезис слоя – солифлюкционный.

Краснощеков, 1998а, с.15. Документальное
приложение № 2

О месте расположения раскопок осени 1871 г.

1. На горе, на которой воздвигается здание нового иркутского Военного Госпиталя...

Чекановский, 1872, с.38

2. Осенью 1871 г., при постройке нового военного госпиталя, на одной из гор правого берега Ушаковки (приток Ангары)...

Черский, 1872, с.167.

3. Пользуясь обязательностью здешнего препаратора К. Жеребковского, живущего поблизости кирпичных заводов г. Косовича (1 ½ верст. От места раскопок)...

Черский, 1872, с.172.

4. ...т.е. с местности, промежуточной между заводами долины и новым военным госпиталем, около которого найдены были в 1871 г. каменные, костяные и глиняные изделия.

Черский, 1875, с.108.

5. Кроме того, остатки носорога, бизона и т.п. находились на той же горе, где построен военный госпиталь, на кирпичных сараях, недалеко от места нахождения описанных изделий...

Черский, 1891, с.609.

6. ... напали на остатки глубокой древности при закладке военного госпиталя в Иркутске, на одной из гор правого берега речки Ушаковки, притока р.Ангары.

Уваров, 1881, с.231.

7. ... в 1871 г., на том месте где ныне военный госпиталь, найдены были весьма интересные остатки культуры первобытного человека...

Витковский, 1889, с.16.

**А.Г.Генералов, С.И. Заграфский, С. Козырев, Г.И. Медведев,
Е.А. Слагода,**

МОГИЛЬНИК ТАЛЬСКИЙ НА ЮЖНОМ БАЙКАЛЕ

Местоположение и история исследования

Археологические изыскания на территории Южного Байкала насчитывают во времени более 100 лет, но их трудно назвать насыщенными событиями. Одной из причин этого можно считать географические особенности региона. На всем протяжении южнобайкальского побережья горные массивы Приморского и Хамар-Дабанского хребтов вплотную подступают к озеру, существенно ограничивая возможность поиска и изучения мест обитания древнего человека. Исключением является западный участок берега от п.Култук до г.Слюдянка протяженностью 10 км. Он представляет собой равнинную полосу, вытянутую с севера на юг вдоль берега озера. По вероятности выявления археологических объектов участок достаточно четко разделяется на три географические зоны. Южная и северная части равнинной полосы застроены жилыми массивами, промышленными объектами и инфраструктурой населенных пунктов Култук и Слюдянка. Подавляющую часть оставшейся площади занимает заболоченная местность. И в том, и в другом случае перспективы обнаружения культурных остатков мизерны или вообще отсутствуют. В средней части участка в озеро вдается живописный мыс, носящий название Шаманский и представляющий собой цепь холмов, вытянутых в сторону моря с запада на восток (рис.13). Южные склоны двух восточных холмов (первого и второго) круто обрываются в Байкал. Северные склоны залесены и имеют пологий спуск в сторону Култукского залива. Перешеек между вторым и третьим холмами разрушен в результате строительства Кругоморского тракта в 1867-1868 гг.

Первые сведения об археологических находках на этой территории относятся к 90-м гг. прошлого века. В откосе перешейка между вторым и третьим холмами рабочие находили человеческие кости вместе с бронзовыми предметами. Находки не сохранились и их дальнейшая судьба неизвестна (Свинин, 1971). С 1956 г. В.В. Свининым неоднократно проводились

археологические экскурсии школьников по побережью Южного Байкала (устное сообщение В.В. Свинина). Посещался и Шаманский мыс; собранный на его территории подъемный материал сейчас, возможно, утрачен. В 1962 г. учителем школы № 7 п. Култук А.И. Комиссаровым и учеником Слюдянской школы А.Тиваненко произведены сборы подъемного материала вдоль берега Байкала от г. Слюдянки до п. Култука, между третьим и вторым холмом и на вершине второго холма (сейчас, соответственно, местонахождения Шаманка III и Шаманка II). В 1962, 1965 гг. на втором холме были обнаружены три захоронения, одно из которых, несомненно, относится к бронзовому веку (Тиваненко, 1979). Коллекции А.В.Тиваненко, собранные на мысе Шаманка и других памятниках за 1962-1966 гг. и хранящиеся в Слюдянском Доме пионеров, не имеют регистрационных шифров, перепутаны и утеряны (Свинин, 1971). Осенью 1962 г. по просьбе А.В.Тиваненко район Шаманского мыса был осмотрен в ходе однодневной поездки Г.И. Медведевым, М.П. Аксеновым, О.А. Роговским, Н.Ф. Сергеевой и Г.М. Зайцевой (устное сообщение Г.И. Медведева). Найденные костяные наконечники стрел позволили предварительно датировать местонахождения Шаманского мыса эпохой энеолита - ранней бронзы.

В 1966 г. территория мыса осмотрена В.В. Свининым (Свинин, 1971). Выявлено три группы скопления культурных остатков, которые концентрируются: на первом холме - от оконечности мыса до перешейка со вторым холмом (Шаманка I); на втором холме - по западному склону от вершины до дорожной выемки (Шаманка II) и на маленькой площадке 5-метровой террасы, примыкающей с северо-востока к восточному склону четвертого холма (Шаманка III). Весь комплекс находок Шаманки I, основываясь на данных шурфовочных работ, отнесен В.В. Свининым к эпохе энеолита (Свинин, 1971).

В 1988 г. группой паспортизации Иркутского университета (А.В. Харинский и А.В. Секунов) осмотрен мыс Шаманка. В 1995-1997 гг. обследование мыса Шаманка проводилось историко-краеведческим отрядом

ГАБИ школы № 2 г. Слюдянки под руководством В.В. Махно. На Шаманке II собраны отщепы, пластины, нуклеус, фрагмент костяного ножа с пазом, обломок человеческого черепа. В 1996 г. В.В. Махно и А. Сизовым в осыпи берега обнаружен человеческий череп и плюсневые кости (погребение № 1), фрагменты керамики, орнаментированной по венчику отступающей лопаточкой. Судя по расположению костей, умерший лежал на спине вытянуто, головой на север. Находки хранятся в кабинете краеведения Слюдянского дома детского и юношеского творчества.

В 1998 г. А.В. Харинским проводились раскопки обнажившегося в обрыве погребения (Харинский, 1999). На могильнике Шаманка II заложены два раскопа, позволившие изучить четыре погребения (№№ 2, 3, 4, 6). В обоих раскопах отмечен культурный слой, содержащий находки неолита - бронзового века. В 1999 г. Г.В. Туркиным было раскопано неолитическое захоронение № 7 (Туркин, 2000). Летом 2000 г. на местонахождении изучены еще четыре погребения, в том числе два с бронзовым инвентарем (№ 5 и 9).

В связи с тем, что в Прибайкалье известны несколько археологических местонахождений, среди них два могильника, носящих название Шаманка, Шаманский и т.п., предлагаем присвоить рассматриваемому объекту наименование Тальский, по протекающей к северу от мыса р. Талая.

Объекты изучения

Далее рассматриваются четыре погребальных комплекса, относящихся к эпохе бронзы.

Могила № 2. Камни, составляющие надмогильную конструкцию, обнаружены на глубине 0,14-0,18 м в нижней части черного гумусированного суглинка. Кладка захоронения овальной формы размером 0,7х1,6 м, ориентирована длинной осью по линии север-юг. Камни уложены в 1-2 слоя и плотно прилегали друг к другу. Мощность кладки 4-14 см. Размеры камней от 4х4х8 см до 8х20х20 см. Сразу под камнями кладки отмечена могильная яма. В верхней части она слабо различима. Яма овальной формы заложена из

основания серо-бурого суглинка. Размер в верхней части 0,5х2,0 м. Глубина могильной ямы 0,35 м. К дну яма сужается до 0,45 м и удлиняется до 2,1 м. В северной части ямы отмечается небольшой подбой.

В верхней части могильной ямы находилось каменное перекрытие размером 0,9х1,6 м, ориентированное по линии север-юг. Камни закрывали только центральную часть ямы и были уложены в один слой, вплотную друг к другу. Размеры камней от 2х4х4 см до 16х26х40 см. В северной части перекрытия, между камнями, отмечена угольная линза овальной формы, размером 15х30 см. Линза вытянута по линии ЮЗ-СВ. Ее мощность 8 см.

В средней части могильной ямы отмечено еще одно каменное перекрытие. Его размеры 0,40х1,25 м, ориентировка по линии север-юг. Размеры камней от 4х6х16 см до 4х17х20 см. Камни уложены неплотно в один слой. Расстояние между камнями верхнего и нижнего перекрытия составляет 3-9 см. В центральной части ямы камни верхнего перекрытия лежат на камнях нижнего перекрытия. Под камнями перекрытия, непосредственно над костяком, обнаружены куски бересты. Первоначально они, по всей видимости, составляли берестяное полотнище, закрывавшее умершего сверху. У восточного края перекрытия найден кремневый бифас.

Костяк находился на глубине 32-55 см от современной поверхности. Погребенный был расположен на спине, вытянуто, головой ориентирован по линии с азимутом 356°. Отсутствовали кости левой ноги и левой руки. Вероятно, они осыпались вниз по склону, где и были позднее обнаружены. В осыпи обнаружена левая лучевая кость и кости левой ноги. Сохранность большей части костей хорошая. Череп раздавлен. Первоначально он был развернут лицевым отделом налево (рис.15). Костяк принадлежал женщине возмужалого возраста (ad).

Справа от черепа погребенной отмечены остатки деревянной трухи. Набор сопроводительного инвентаря насчитывал 37 единиц. У позвоночника и на крестце найдено 6 подвесок с отверстиями из зубов марала. В одном из них имеется два отверстия. У нижней челюсти обнаружено 8 круглых

плоских перламутровых бусин с отверстием посередине. Одна бусина найдена за пределами могильной ямы, ниже по склону. На правой плечевой кости лежал костяной гарпун, развернутый острием к позвоночнику (рис.16-18). Справа от позвоночника обнаружена овальная бронзовая бляшка с двумя отверстиями по краям (рис.16-1). За пределами могильной ямы, ниже по склону, найдена еще одна подобная бляшка (рис.16-3). Под черепом располагался костяной наконечник стрелы. На дистальном эпифизе правой локтевой кости отмечена круглая бронзовая бляшка (рис.16-6). У остатка левой плечевой кости найден обломок бронзового ножа (рис.16-2). К югу от крестца отмечена бронзовая лапчатая подвеска (рис.16-11). Справа от верхней части правой бедренной кости найдено скопление каменных наконечников стрел (15 экз.), первоначально, видимо, располагавшихся в сумочке (рис.16 – 4-8, 10, 12-17, 19, 21). Три наконечника кремневые, два наконечника изготовлены из темно-зеленого сланца, два из углистого сланца, четыре наконечника из светло-серого кварцита, два из прозрачного и два из светло-серого халцедона. Кроме того, еще один кремневый наконечник обнаружен между позвоночными дисками четвертого и пятого позвонков шейного отдела (рис.16 - 9).

По костям скелета получена радиоуглеродная дата 3900 ± 130 л.н. (СОАН-3895).

Могила № 3. Кладка захоронения отмечена в 1 м к западу от кладки погребения № 2. Она вытянутой формы, размером 0,8x2,3 м, ориентирована по линии север-юг. Камни кладки фиксируются с подошвы гумусированного суглинка, расположены разрозненно. Они уложены в 1-2 слоя. Мощность кладки 6-17 см. Размеры камней от 3x5x9 см до 17x17x26 см (рис.17-7). Сразу под камнями кладки отмечена могильная яма, заложенная из основания серо-бурого суглинка. Она овальной формы, размером в верхней части 1,0x2,1 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Глубина могильной ямы около 0,35 м. К дну яма сужается до 0,6 м. В северной части ямы отмечен небольшой подбой. Длина дна могильной ямы 1,85 м. (рис.17-1).

Могильной ямой погребения № 3 частично разрушено погребение № 4, более древнего возраста. Юго-западная часть его могильной ямы располагается под ямой могилы № 3. На глубине 35-55 см от современной поверхности могильные ямы обоих захоронений выглядят как единое целое. На глубине 55-65 см начинают проявляться контуры каждой из ям.

В яме могилы № 3 отмечено три уровня каменных перекрытий. В верхней части ямы находилось перекрытие размером 0,5х1,6 м, ориентированное по линии север-юг. Камни уложены в один слой. Их размеры от 2х3х6 см до 5х16х30 см. В центральной части перекрытия камни отсутствуют. В средней части могильной ямы отмечен второй уровень внутримогильного перекрытия. Между первым и вторым уровнем фиксируется небольшая прослойка земли. Расстояние между камнями верхнего и нижнего перекрытия составляет 3-10 см. Размеры второго уровня перекрытия 0,50х1,65 м, ориентировка по линии север-юг. Размеры камней от 3х5х7 см до 5х17х20 см. Камни неплотно уложены в один слой. В северной части могильной ямы они располагались непосредственно над черепом, в центральной части камни отсутствуют. Непосредственно над костяком располагался третий уровень каменного перекрытия. Оно представлено семью камнями, шесть из которых располагались в центральной части могильной ямы и один в южной части ямы. На одном уровне с камнями перекрытия найдены: подвеска из зуба марала, каменный наконечник стрелы, халцедоновая пластина, кремневый отщеп и два фрагмента керамики.

Костяк находился на глубине 50-65 см от современной поверхности. Умерший расположен на спине, вытянуто, головой ориентирован на север (аз.6°). Руки вытянуты вдоль туловища, кистевые отделы рук расположены под тазовыми костями. Скелет сохранился в анатомическом порядке. Череп развернут лицевым отделом в пол-оборота налево (рис.17-2). Костяк принадлежал мужчине возмужалого возраста (ad). В левой боковой части

двенадцатого позвонка, принадлежащего к грудному отделу, зафиксировано острие кремневого наконечника стрелы.

Погребальный инвентарь представлен 59 предметами. В районе черепа погребенного и верхней части грудной клетки найдено 45 круглых перламутровых бусин. К северу от черепа обнаружен кремневый вкладыш (рис.17-6). В левой части грудной клетки найден кремневый наконечник стрелы, повернутый острием к северо-востоку (рис.17-4). Еще один кремневый наконечник стрелы отмечен справа от левой локтевой кости. Острием он обращен на юг (рис.17-3). В правой части грудной клетки найдено четыре подвески из зубов марала. Одна подвеска обнаружена у левой локтевой кости. Справа от поясничного отдела позвоночника зафиксировано незамкнутое бронзовое кольцо (рис.17-9). На тазовых костях, с правой стороны, располагался бронзовый пластинчатый нож. Вероятно, он под углом вставлялся в деревянную рукоять. Следы древесины сохранились на лезвии (рис.17-8). У фаланг левой руки обнаружен обломок бронзового кольца (рис.17-11). Между лобковыми костями таза найден костяной наконечник стрелы, направленный острием на северо-запад. Между бедренными костями погребенного отмечены: обломок бронзового рыболовного крючка (рис.17-10) и кремневый наконечник стрелы (рис.17-5), развернутый острием на юг.

Могила № 5 выявлена в 1998 г. при вскрытии раскопа № 2. Камни надмогильной кладки фиксировались на глубине 0,10-0,15 м от современной поверхности. Подошвы камней помещались на контакте черного сильно гумусированного суглинка и буроватого, коричневого суглинка. Кладка была разрушена в древности и определенной формы в плане не имела. Могильная яма, овальной в плане формы, заложена с контакта черного сильно гумусированного суглинка с глубины 0,15-0,18 м от современной поверхности. Продольной осью яма была вытянута по линии С-Ю, с небольшим отклонением к западу. Длина ямы 1,9 м, ширина – 0,63 м, глубина – 0,7 м. Яма завалена камнями средних размеров практически на всю

глубину, но их количество уменьшалось по мере углубления. В средней части ямы, в вертикальном простирании, отмечены зольники, тяготеющие к ее западной стороне. Непосредственно над костными человеческими останками зафиксировано всего 8 камней.

Погребенный, мужчина возмужалого возраста (ad), находился на глубине 0,50-0,65 м от современной поверхности, в вытянутом положении на спине и головой был ориентирован на север (аз.352⁰). Череп покоился на правой височной кости и лицевой частью был направлен на запад. Кости рук находились в вытянутом вдоль корпуса положении. Кости грудной клетки и таза отсутствовали. Левая бедренная кость лежала поперек продольной оси ямы, между костями кистей рук и берцовыми костями, сохранившими анатомический порядок. Правая бедренная кость отсутствовала (рис.18-1). На затылочной кости черепа отмечено ромбовидное отверстие, оставленное наконечником стрелы. В головке левой плечевой кости обнаружен каменный наконечник стрелы, полностью засевший в губчатой ткани.

Сопроводительный инвентарь состоит из 166 предметов. Основной количественный показатель составили перламутровые бусы (плоские кружки с отверстиями в центре) – 117 штук (рис.18-7). Бусы располагались в три ряда поперек сагиттальной линии черепа, перекрывали надбровные дуги и частично глазницы и помещались на прямоугольной полосе бересты. Также в области черепа располагались наконечник стрелы, скребок. На шейных позвонках найден бронзовый нож (рис.18-8). Возможно, из-за близости местонахождения этого ножа в зеленый цвет окрасилась лицевая часть черепа. Возле кисти левой руки зафиксированы диск из кальцита (рис.18-9), кремневый наконечник стрелы и фрагмент наконечника стрелы (рис.18-4,5). Еще два наконечника стрел обнаружены рядом с головкой левой бедренной кости и слева от проксимальных эпифизов берцовых костей левой ноги (рис.18-3,6). Справа от диафизов берцовых костей располагалось скопление предметов, состоящей из лопатки лося, перекрывающей нижележащие изделия, 4-х гарпунов (рис.19 – 1-4), двух небольших нефритовых тесел

(рис.18-2), отбойника на овальной в плане гальке, отщепов, сколотых с галек. Между берцовыми костями также обнаружены галечные отщепы.

В целом, судя по сохранности анатомического строения скелета и разрушению надмогильной кладки можно сделать вывод, что данная могила была нарушена в древности. По костям погребенного получена радиоуглеродная дата - 3600 ± 70 л.н. (ГИН-11229).

Могила № 9 располагалась на расстоянии 2 м к СВ от могилы № 5. Разрушенная надмогильная кладка фиксировалась, как и в предыдущей могиле, на глубине 0,10-0,15 м от современной поверхности в нижней части черного сильно гумусированного суглинка. Судя по расположению камней, в непо потревоженном состоянии сохранилась незначительная часть кладки в северном секторе могилы. Могильная яма овальной в плане формы, заложена с контакта черного сильно гумусированного и буровато-коричневого суглинков с глубины 0,15-0,18 м от современной поверхности. На уровне подошв камней надмогильной кладки за пределами южной половины ямы были зафиксированы выброшенные из могилы берцовые кости ног, пяточные кости, а также роговое острие (кирка? по А.П.Окладникову). Длина ямы - 2,15 м, ширина - 0,65-0,70 м, глубина - 0,65-0,70 м. В верхней части ямы большинство (7) камней внутримогильного заполнения были сосредоточены в северной половине. В южной половине на этом же уровне зафиксированы 3 камня, сломанный гарпун (рис. 21-8), 2 кости фаланг пальцев, позвонок и клык кабарги. Кости и предметы сопроводительного инвентаря, видимо, были выброшены из могилы в процессе ее нарушения. В ходе расчистки среднего уровня (в вертикальном простирании) могильной ямы в северном секторе были обнаружены 8 камней, кости правой руки вместе с кистью в анатомическом порядке (были сильно окрашены окисью меди), бронзовый рыболовный крючок (рис.20-4) и острие, выполненное на клыке кабана (рис.21-1). Юго-восточнее костей правой руки располагались правая бедренная кость, лопатка и кости двух фаланг пальцев. В южном секторе ямы находились 2 ребра, 2 кости фаланг пальцев и фрагменты ребер.

Погребенная, женщина возмужалого возраста (jv-ad, 18-20 лет), находилась в вытянутом положении на спине, на глубине 0,55-0,65 м от современной поверхности. Головой была ориентирована на север, с азимутом 5°. Череп покоился на затылочных костях. Кости рук были вытянуты вдоль корпуса. Как уже отмечалось выше, локтевые кости и кисть правой руки в процессе нарушения были смещены в средний уровень ямы. Левая бедренная кость и кости таза находились в анатомическом положении, а правая, как уже также было отмечено, также зафиксирована на среднем уровне ямы. В том месте, где должны были находиться берцовые кости, располагались лучевая кость левой руки, фрагмент ребра и две кости фаланг пальцев (рис.20-1).

На черепе имеется травма, в результате которой, возможно, погребенная умерла: от сильного удара оказалась разбитой левая скуловая кость и треснула лобная кость над левой глазницей.

Погребальный инвентарь представлен 63 предметами. Помимо упомянутых выше предметов выброшенных из могилы, на уровне расположения костяка зафиксированы: справа от черепа 19 перламутровых бус; слева от черепа - бронзовая бляшка овальной в плане формы, выпуклая в поперечном сечении с двумя боковыми отверстиями для крепления, орнаментированная по периметру с вогнутой стороны двумя рядами точечных вдавлений (рис.20-8); возле медиальной части левой ключицы - подобная бронзовая бляшка (рис.20-9); на правой лопатке - подпрямоугольная в плане бронзовая бляшка с боковыми отверстиями для крепления (рис.20-10); кремневый наконечник стрелы - между правой плечевой костью и правой лопаткой (рис.21-5); кремнёвый наконечник стрелы - справа от черепа (рис.21-10); 3 кремнёвых наконечника стрел (рис.21-2, 4, 12), 2 фрагмента изделия из бронзы (рис.20-5,6), 4 подвески из зубов марала - на рёбрах левой стороны; кремнёвый наконечник стрелы - слева от поясничного отдела позвоночного столба (рис. 21-11); фрагмент бронзового рыболовного крючка - справа от крыла правой подвздошной кости (рис.20-2); 7 кремнёвых отщепов - в области тазовых костей;

массивное острие из кости (рис.21-9), “ложка” из рога (рис.22-1), костяная лопатка, плоское роговое острие (кирка?), 2 бронзовых разорванных кольца с раструбами (рис.20-3,7), массивное роговое острие с двумя боковыми выступами (копье?) – в скоплении справа от левой бедренной кости (рис.22-2); отбойник, костяная лопатка, 3 подвески из клыков марала, наконечник стрелы – в южной части днища могильной ямы; 2 перламутровые подвески – в районе тазовых костей.

Судя по всему, данная могила, как и вышеописанное захоронение, в древности подверглось разрушению и ограблению. По костям человеческого скелета получена радиоуглеродная дата - 3520±60 л.н. (ГИН-11230).

Инвентарь

Изделия из бронзы. Предметы погребального инвентаря, изготовленные из бронзы, были зафиксированы во всех исследованных, даже нарушенных, могилах. Этот факт примечателен тем, что в Прибайкалье находки бронзовых вещей в погребениях очень редки и представлены, в основном, единичными экземплярами. Для сравнения, на 28 могил Фофановского могильника (раскопки 1959 г.) приходится 7 бронзовых изделий (Герасимов, Черных, 1975); на 53 раскопанных захоронения могильника Хужир-Нугэ XIV – 5 бронзовых предметов (Горюнова, Вебер, 1997, 2000; Горюнова, Вебер, Ливерсе, Новиков, 1998); на 15 изученных погребений Усть-Идинского могильника – 1 бронзовый нож (Тютрин, Базалийский, 1996); из 11 могил эпохи бронзы Макрушинского могильника лишь одно сопровождалось обломком стерженька (Алтухов, 2001). Исследователи связывают это с тем, что в то время металл из-за своей редкости имел большую ценность для древнего населения и при ограблении могил бронзовые изделия изымались в первую очередь. Общее количество предметов из бронзы, найденных в захоронениях Тальского могильника насчитывает 19 экз. – орудия (7 экз.), украшения (10 экз.) и фрагменты изделий (возможно, сосуда) – 2 экз. Орудия представлены ножами – 3 экз. (могилы №№ 2, 3, 5) и рыболовными крючками – 3 экз. (могила № 3 – 1 экз.,

могила № 9 – 2 экз.). Украшения представлены кольцами – 4 экз. (могилы №№ 3 и 9 по два экз. в каждой), а также нашивными бляшками – 6 экз. (могила № 2 – 3 экз., могила № 9 – 3 экз.) и единственной подвеской (могила № 2).

На последние предметы украшения стоит обратить особое внимание. Прямых аналогий этим украшениям нет в Прибайкалье, но сходные по форме, размерам, способу крепления и оформлению точечной чеканкой бляшки известны по материалам могильников эпохи бронзы Центральной Азии, где они отнесены, как правило, к различным вариантам андроновской культуры, этапам карасукской и тагарской культур. Однако, на бляшках из погребений Тальского могильника наблюдается двойной ряд чеканки, тогда как у западносибирских – один ряд или чеканка отсутствует вообще. Кроме того, находки подобных бляшек в андроновских погребениях единичны. Лапчатая подвеска ни по форме, ни по стилю исполнения не находит аналогов. В погребениях карасукской и ирменской культур повсеместно встречаются лапчатые подвески, но их сходство с рассматриваемой ограничивается лишь линейными размерами.

Костяные орудия. Рассматриваемая категория предметов представлена острием из клыка кабана, массивным роговым остроконечником (копье?), острием из кости крупного животного, “ложкой” из рога и гарпунами.

Острие оформлено частичным расщеплением клыка кабана. Острия из клыков кабана были обнаружены в погребении 4 Верхоленского могильника. Они имеют сквозные отверстия в основании и укороченную конфигурацию (Окладников, 1978).

Массивный остроконечник из рога имеет два боковых выступа, расположенных по одной стороне, и уплощенный насад прямоугольных очертаний. Аналогии изделию на территории Прибайкалья известны из захоронения № 2 (раскопки 1972 г.) Шаманского мыса (Бурхан) на о.Ольхон, где обнаружено сходное орудие, но с одним боковым выступом-шипом

(Конопацкий, 1982) и могилы № 6 могильника Новый Качуг-Звездочка (Окладников, 1955). В последнем случае сходство усиливается уплощенным насадом. Острия, подобные найденному в погребении 9 и выполненные из костей крупных животных, встречаются в широком культурно-хронологическом диапазоне (Окладников, 1955, 1975, 1976).

Роговое изделие в виде “ложки” имеет плоский удлиненный резервуар и слегка закругленные бортики. Резервуар плавно переходит в рукоять, по краям которой с обратной стороны нанесены 5 и 7 насечек. Два схожих изделия были найдены в погребении № 2 (раскопки 1972 г.) Шаманского мыса (Бурхан) (Конопацкий, 1982). В отличие от вышеописанного предмета нижний край резервуара оформлен зубчиками.

Гарпуны в количестве 7 экз. были найдены в трех погребениях - №№ 2 (1 экз.), 5 (4 экз.), 9 (2 экз.). Шесть из них – с двумя рядами асимметрично расположенных шипов. По оформлению стопор-линия гарпуны можно разбить на три группы. К первой группе относятся орудия из могил №№ 5 и 9. Стопор-линь выполнен в виде одного (2 экз.) (рис.1-1,4) или двух симметрично расположенных (2 экз.) выступов перпендикулярно изделию с края, обращенного к шипам (рис.19-3, 21-7), и покатою, постепенно переходящей в насад пяткой. Насад в двух случаях приостренный, округлый в сечении, у двух остальных – уплощенный, имеет подпрямоугольную в плане и сечении форму. Вторую группу гарпунов составляют изделия (2 экз.) из погребений №№ 2 и 9. Стопор-линь этих изделий оформлен в виде двух прямоугольных выступов. Насад в сечении подпрямоугольный (рис.16-18, 21-8). У гарпуна из могилы № 9 конец насада приострен, тогда как у изделия из могилы № 2 он имеет прямоугольную форму. Гарпун из погребения № 5 отличается от двух охарактеризованных выше групп (рис.19-2). Во-первых, он имеет одностороннее расположение шипов. Во-вторых, основной чертой, отличающей его от гарпунов первой группы, является более резко оформленный стопор-линь. Пятка переходит в насад не плавно, а образует четко выраженный угол. Насад этого гарпуна округлый в сечении, но не

приострен. А.П. Окладников, рассматривая гарпуны из глазковских погребений, разделял их на две группы – большие и малые, причем такое деление по размерам он полагал соответствующим и типологическим особенностям формы гарпунов каждой группы (Окладников, 1955.).

Описанные группы гарпунов имеют широкие аналогии в погребальном инвентаре захоронений бронзового века Прибайкалья. Локальных особенностей в распространении не отмечено.

Наконечники стрел. Каменные наконечники стрел представлены 31 экз. (за исключением трех наконечников, которые были зафиксированы в костях погребенных) в могилах 2 – 15 экз., 3 – 3 экз., 5 – 5 экз., 9 – 8 экз. Костяные наконечники по 2 экземпляра зафиксированы в могилах №№ 2 и 5. Несмотря на морфологическое разнообразие, каменные наконечники стрел из погребений Тальского могильника не выделяются из ряда наконечников, относящихся к эпохе бронзы.

Детали погребального обряда

Два из изученных погребений бронзового века были потревожены еще в древности, однако, могилы №№ 2 и 3, обнаруженные в целости, что является большой редкостью по сравнению с синхронными захоронениями байкальского побережья, предоставляют значительную информацию о материальной культуре и характерных чертах использовавшегося погребального обряда.

Над погребением сооружалась надмогильная кладка из камней, следы которой отмечены во всех без исключения захоронениях. В большинстве случаев форма кладки в плане овальная, длинной осью вытянута по линии север-юг. Во всех могильных ямах зафиксированы внутримогильные конструкции из камней, прослеживаемые до уровня расположения костяка.

Во всех могилах захоронено по одному индивидууму. В ямах эллипсоидной формы, глубиной около 0,5 м, умершие были уложены на спину, в вытянутом положении, руки расположены вдоль туловища. Костяки верхней частью корпуса ориентированы на север, вверх по склону.

Над грудными отделами позвоночного столба, на уровне камней внутримогильного заполнения отмечены зольные линзы в погребениях №№ 2 и 3. В могилах №№ 5 и 9 следы огня зафиксированы по всей площади, причем в погребении 5 угли сохранили конфигурацию поленьев, которые располагались поперек могильной ямы.

Отдельно следует отметить наличие бересты в погребениях №№ 2, 5 и 9. В первом случае ее фрагменты обнаружены как над костяком, так и под ним. В других могилах фрагменты бересты зафиксированы сверху погребенных. Возможно, перед погребением умерший помещался в берестяной пакет.

Особого внимания заслуживают следы насильственных действий в отношении всех погребенных. В трех случаях наблюдаются ранения от каменных наконечников стрел. В могиле № 9 прослеживается травма черепа, видимо, от удара тяжелым тупым предметом. Раны нанесены непосредственно перед смертью индивидуумов или незадолго до нее, т.к. следы ранений не успели затянуться, что отчетливо заметно при визуальном осмотре костных остатков. Вообще, из введенного в научный оборот материала из погребальных комплексов Прибайкалья достоверно зафиксировано три случая явных свидетельств совершения насильственных действий в отношении захороненных – Буреть I, № 3 (Окладников, 1955) и Верхоленский могильник, №№ 17 и 28 (Окладников, 1978).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отмеченные признаки и детали погребального обряда (трупомещение, ориентировка погребенных, форма надмогильной и внутримогильной конструкции, ритуальные включения (следы огня) позволяют рассмотреть место погребений Тальского могильника в ряду захоронений, относимых к бронзовому веку Прибайкалья. Вытянутое трупомещение умерших в могилах зафиксировано на значительной территории – районах Южного Приангарья, Верхней Лены, Приольхонья и восточном побережье Байкала. Их датировка и культурная принадлежность проводилась на основе сопоставления характерных черт погребального обряда и инвентаря.

Ряд исследователей выделяли локальные и хронологические группы погребальных комплексов (Горюнова, Хлобыстин, 1992; Горюнова, 1996; Белоненко, Меньшагин, 2000). К настоящему времени применение радиоуглеродного датирования позволило определить более точные хронологические рамки, в пределах которых существовал тот или иной способ трупомещения. Наиболее распространенные способы расположения погребенных представлены четырьмя группами:

1. Вытянуто на спине (4280±100 - 3520±60 л.н.).
2. Сидячее (4850±70 - 4040±40 л.н.).
3. На боку скорченно (4500±40 - 4280±100 л.н.).
4. На спине с подогнутыми (4230±40 - единственная дата Городище II, № 4).

Погребения Тальского могильника по радиоуглеродным датам и по основным элементам погребального обряда (наличию и форме надмогильной конструкции, следов огня и др.) не выходят в хронологическом отношении за границы своей группы.

Неординарный по качеству и сохранности археологический материал из захоронений Тальского могильника позволяет поставить проблему развития культур бронзового века Байкальской Сибири. В равной мере это

относится и к палеоантропологическим исследованиям, благодаря пресвосходной сохранности остеологических остатков, и изучению различий в погребальной практике. Дальнейшей задачей исследователей могильника является углубленный типологический анализ сопроводительного инвентаря, определение места этого памятника в культурах “степной” и “таежной” бронзы Прибайкалья.

В.И. Базалийский, Г.В. Туркин, А.А. Тютрин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арембовский И.В., Иванов Л.Н.* Иван Дементьевич Черский как первый исследователь палеолита // И.Д.Черский: неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д.Черском и А.И.Черском. – Иркутск, 1956. – С.55-60.
2. *Арембовский И.В., Иванов Л.Н.* Новое обследование Иркутской палеолитической стоянки // КСИИМК – 1953 – Вып.49. – С.51-55.
3. *Алтухов В.В.* Макрушинский могильник. Комплекс ранней бронзы // На стыке поколений: Мат-лы XI региональной археолого-этнографической конференции учащихся. – Иркутск, 2001. – с. 3-15.
4. *Береговая Н.А.* Палеолитические местонахождения СССР. – М.; л.: изд-во АН СССР, 1966.– 218 с. – (МИА. - № 81).
5. *Белопенко В.В., Меньшагин Е.В.* Могильник Силянский на Верхней Лене // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск, 2000. – Вып.2, часть 2. – с.51-65.
6. *Витковский Н.* Следы каменного века в долине р.Ангары // Изв. /ВСОРГО – 1889 – Т.XX, № 1. – С.1-42.
7. *Герасимов М.М., Черных Е.Н.* Раскопки Фофановского могильника в 1959г // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – с.23-48.
8. *Генералов А.Г.* Отчет об экспертных археологических работах на территории строительства школы № 3 в Куйбышевском районе г.Иркутска. – Иркутск, 1998. – Архив ЦСН.
9. *Генералов А.Г.* Отчет о проведении дополнительной археологической экспертизы в охранной зоне памятника археологии Военный госпиталь. – Иркутск, 1998а. – Архив ЦСН.
10. *Генералов А.Г., Заграфский С.И., Ребриков П.Н., Семин М.Ю.* Палеолитическое местонахождение Военный госпиталь: результаты работ

1997 г. // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. XXXVIII РАЭСК. – Улан-Удэ, 1998. – С.14-15.

11. *Генералов А.Г., Медведев Г.И., Роговской Е.О., Ребриков П.Н.* Новые данные по палеолитическому местонахождению Военный Госпиталь. // Археология, этнография и антропология Евразии.- 2001- 1(5) - с.67-71.

12. *Городцов В.А.* Первобытная археология. Курс лекций, читанных в МАИ. – М.: изд-во Москов. Археолог. ин-та, 1908. – 207 с.

13. *Горюнова О.И.* Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – с.82-96.

14. *Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П.* Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск, 1992. – с.41-56.

15. *Горюнова О.И., Вебер А.В.* Исследования могильника бронзового века Хужир-Нугэ XIV на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы V Год. итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1997. – Т. III. – с. 184-187.

16. *Горюнова О.И., Вебер А.В.* Продолжение многолетних раскопок могильника Хужир-Нугэ XIV на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. юбил. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2000. – Т. VI. – с. 273-276.

17. *Горюнова О.И., Вебер А.В., Ливерсе А.Р., Новиков А.Г.* Исследования совместной российско-канадской экспедиции на могильнике Хужир-Нугэ XIV (оз.Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы VI Год. итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1998. – Т. IV. – с. 230-234.

18. *Дервянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.* Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 257 с.
19. *Ефименко П.П.* Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. – Киев: изд-во АН УССР, 1953. – 663 с.
20. *Иваньев Л.Н.* К столетию открытия первого палеолитического памятника в России // Изв. / ВСОГО. – 1971. – Т.68. - .174-176.
21. *Инешин Е.М.* Отчет по археологическому обследованию памятника «Военный госпиталь» в 1984 г. – Иркутск, 1985. – 8 с. - Архив ЦСН.
22. *Козырев А.С.* Военный госпиталь: новые данные о месте расположения палеолитической стоянки // Археология, этнография и антропология Евразии – 2000 - № 4 (4). – С.61-65.
23. *Краснощечков В.В.* Археологические исследования вблизи Военного госпиталя летом 1997 года // Археология, этнография Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. XXXVIII РАЭСК. – Улан-Удэ, 1998. – С.21-22.
24. *Краснощечков В.В.* Отчет о предварительном археологическом обследовании землеотвода в Правобережном административном округе г. Иркутска, выполнявшемся весной-летом 1997 года (объекты по ул. Пшеничная падь, ул. Николаева, 25/1, ул. Лесная). – Иркутск, 1998а. – 25 с. - Архив ЦСН.
25. *Конопацкий А.К.* Древние культуры Байкала. – Новосибирск, 1982. – 175 с.
26. *Ларичев В.Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1972. – Ч.1: Азия и проблема прародины человека. – 390 с.
27. *Лежненко И.Л., Лыхин Ю.П.* Археологическое обследование города Иркутска // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. – Иркутск, 1982. – С.60-61.
28. *Лежненко И.Л., Лыхин Ю.П.* Указатель археологических памятников города Иркутска. – Иркутск, 1986. – 43 с.

29. *Медведев Г.И., Генералов А.Г., Семин М.Ю., Ребриков П.Н., Заграфский С.И.* Палеолитическое местонахождение Военный госпиталь в Иркутске: бывшие заслуги – новые проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. – С.114-116.

30. *Обручев С.В.* Основные этапы жизни и творчества И.Д.Черского // И.Д.Черский: неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д.Черском и А.И.Черском. – Иркутск, 1956. – С.9-28.

31. *Окладников А.П.* Неолит Прибайкалья. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. – Ч.1. – 411 с.

32. *Окладников А.П.* Верхоленинский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск, 1978. – 288 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л., 1955.
– Ч.3: Глазковское время. – 373 с. – (МИА - № 43).

33. *Окладников А.П.* Неолитические памятники Ангары: (от Щукино до Бурети). – Новосибирск, 1974. – 318 с.

34. *Окладников А.П.* Неолитические памятники Средней Ангары: (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск, 1975. – 318 с.

35. *Окладников А.П.* Неолитические памятники Нижней Ангары: (от Серово до Братска). – Новосибирск, 1976. – 328 с.

36. *Петри Б.Э.* Сибирский палеолит. – Иркутск, 1923. – 47 с.

37. *Романов Н.С.* Иркутская летопись 1857-1880: (Продолжение «Летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кротова). – Иркутск, 1914. – 425 с.

38. *Сосновский Г.П.* Палеолитические стоянки Северной Азии // Тр. / II международ конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода Евразии. – 1934. – Вып.V. – С.246-304.

39. *Спицын А.* Русский палеолит // Зап. /отделения русск. И славянск. Археологии. Русск. Археолог. об-во. – 1915 – Т.ХІ. – 173 с.

40. **Свинин В.В.** Энеолитические находки на Шаманском мысу (Южный Байкал) // Учен. зап. / ВСОГО – 1971. – Вып. 4, ч. 1: Вопросы истории Сибири. – с.45-55.
41. **Тиваненко А.В.** Новый энеолитический могильник на берегах Байкала // Красневедение Бурятии. – Улан-Удэ, 1979. – с.181-188.
42. **Туркин Г.В.** Отчет о спасательных раскопках могильника Шаманка II в 1999г. – Иркутск, 2000.
43. **Тютрин А.А. Базалийский В.И.** Могильник в устье р.Иды в Приангарье // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. – Иркутск, 1996. – Ч. II. – с.42-44.
44. **Уваров А.С.** Археология России. Каменный период. – М., 1881. – Ч.1. – 439 с.
45. **Формозов А.А.** Очерки по истории русской археологии. – М.: изд-во АН СССР, 1961. – 258 с.
46. **Харинский А.В.** Отчет о спасательных археологических раскопках могильника Шаманка II в 1998г. – Иркутск, 1999.
47. **Чекановский А.Л.** Краткий отчет о результатах исследований в лето 1871 г. // Изв. /СОРГО – 1872 – Т.II, № 5. – С.16-38.
48. **Черский И.Д.** Заметка об ископаемых остатках северного оленя и современной им фауне // Изв. /СОРГО – 1874 – Т.V, N 2. – С.69-78.
49. **Черский И.Д.** Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Изв. /СОРГО – 1872 – Т.III, N 3. – С.162-172.
50. **Черский И.Д.** Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранной Новосибирской экспедицией 1885-1886 гг. // Зап. / Академии наук. – СПб., 1891. - № 1. – Приложение к Т.LXV. – 712 с.
51. **Черский И.Д.** Прибавление к ископаемой фауне окрестностей г.Иркутска // Изв. /СОРГО – 1875 – Т.V, № 3. – С.108-117.

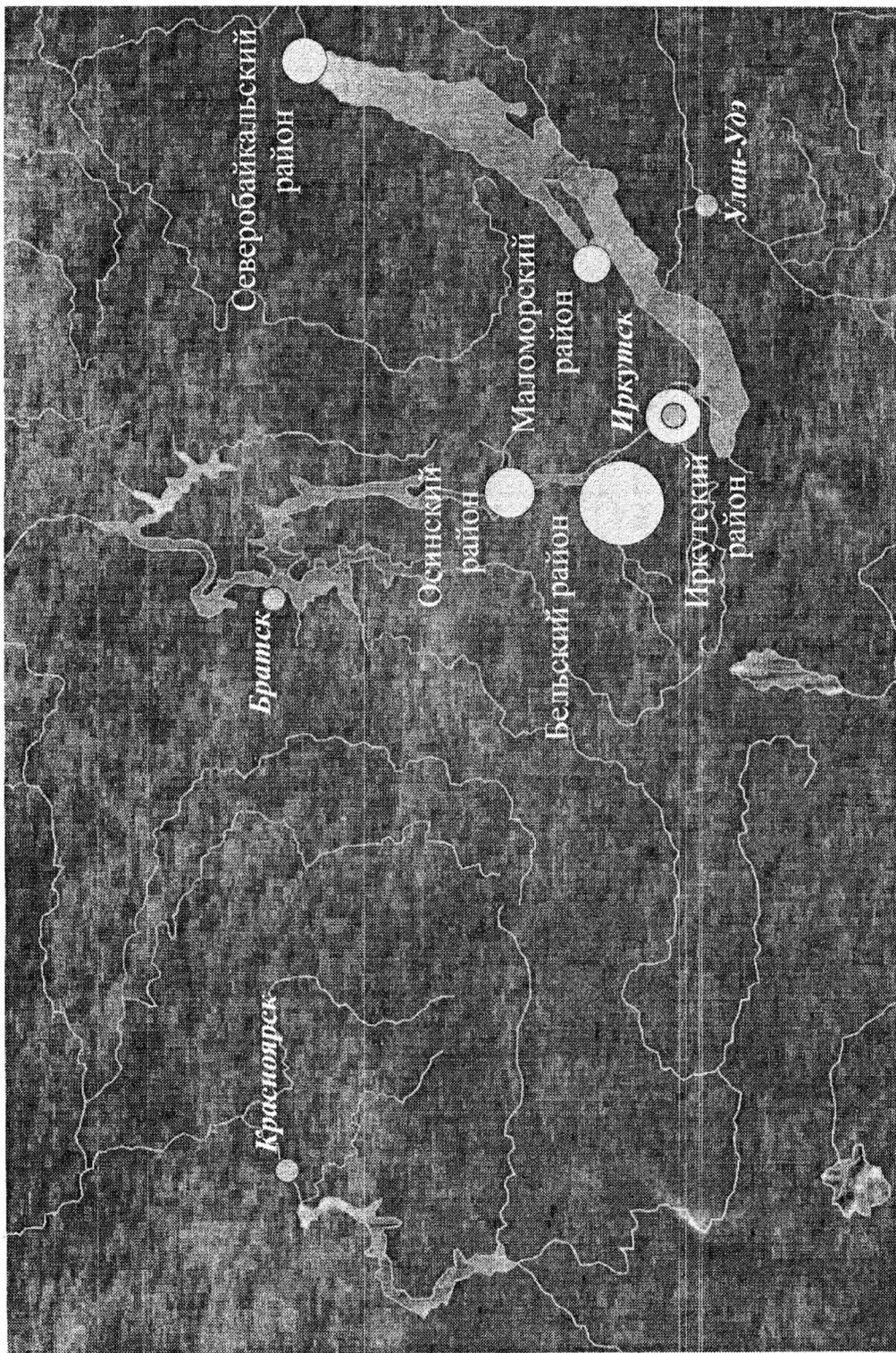

Рис. 1. Карта-схема основных мест расположения геологических объектов юга Байкальской Сибири

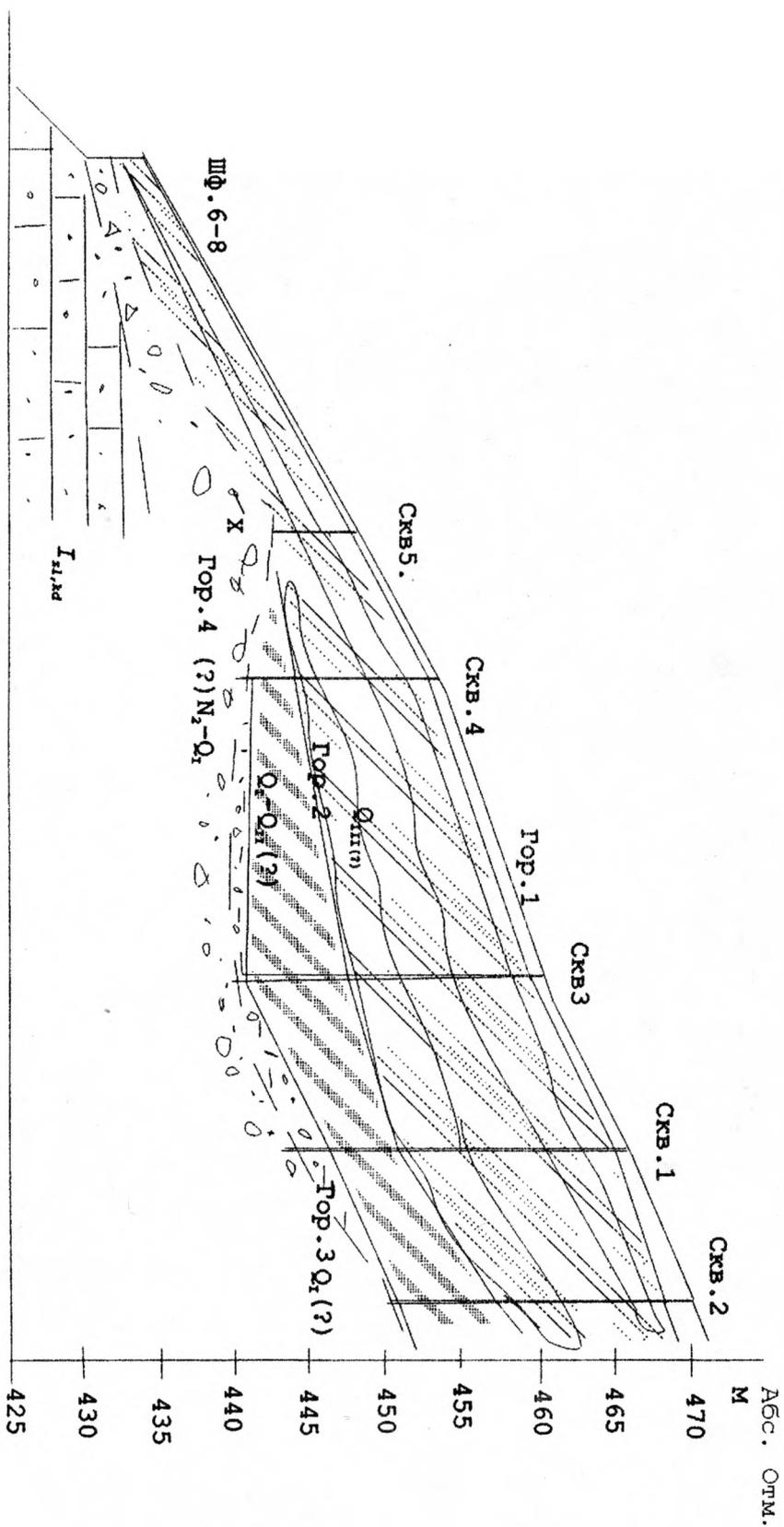

Рис. 2 Геологическое строение правого борта р. Ангары. Продольный профиль погребенной эрозивно-денудационной ложбины и перекрывающего пролювиально-деповального шлейфа. Коренной склон - песчанки присаянской и уст-кудлинской свит южн. Горизонт 4 - пролювиально-элювиальные отложения. Горизонт 3 - сошфлюкционно-пролювиальные отложения. Горизонт 2 - лесовидные супылки, супеси делювиальные, сошфлюкционные с почвенными горизонтами. Горизонт 1 - насыпные грунты, современные почвы, голоден. X - напорный вал в нижней части погребенной (фронтальная зона давления и разгрузки перекрывающего шлейфа).

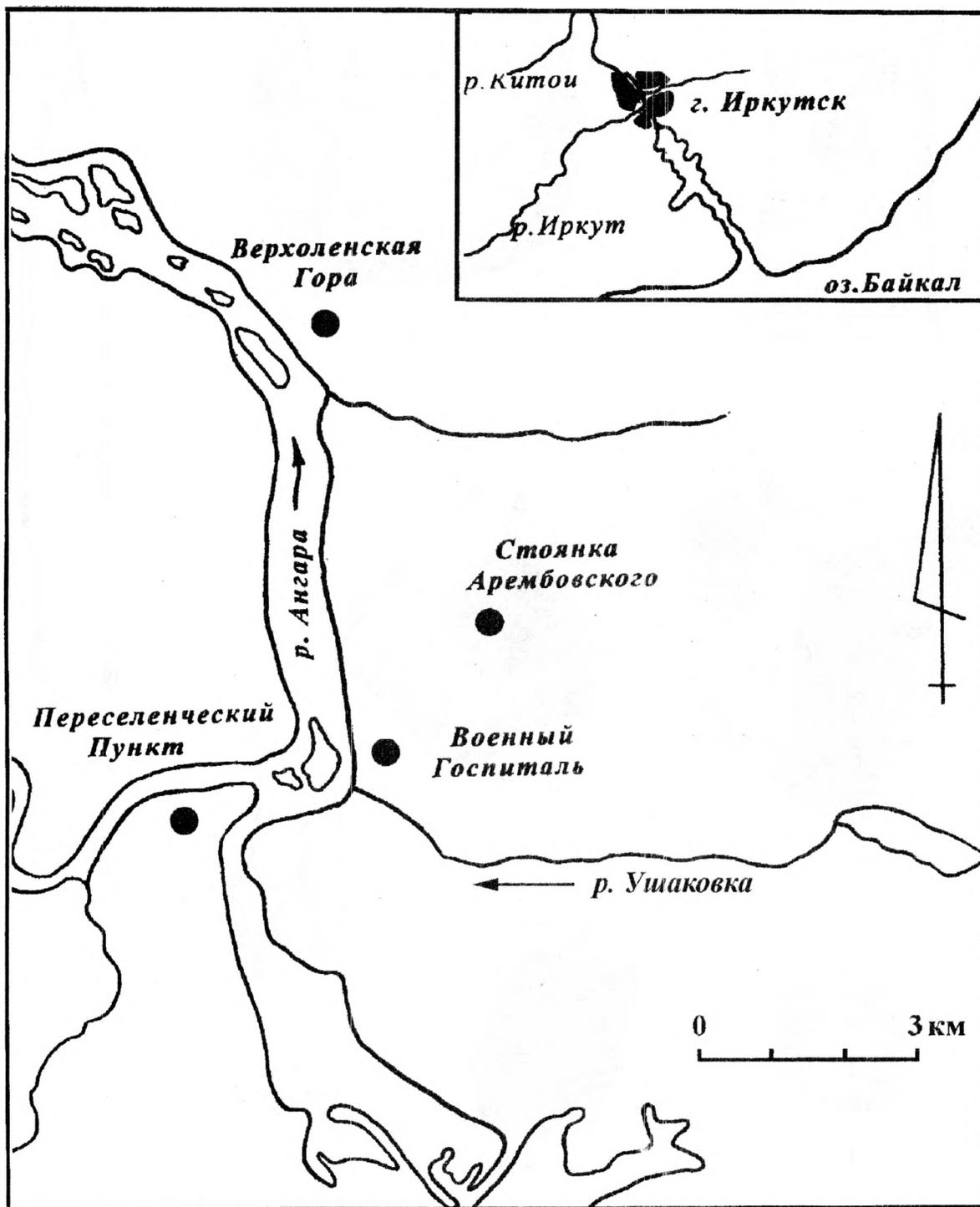

Рис. 3. Карта-схема георхеологического объекта Военный госпиталь

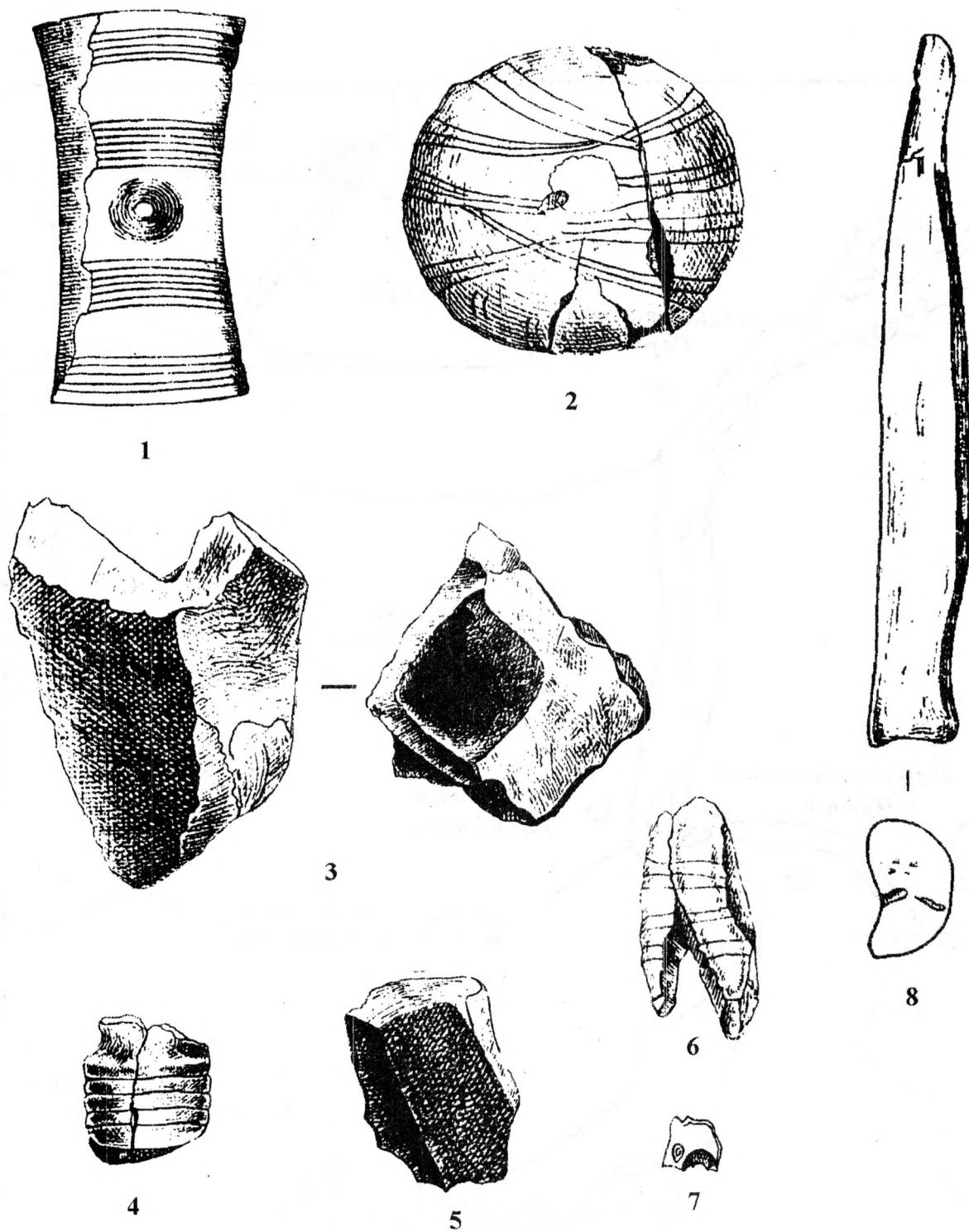

Рис. 4. Находки И.Д. Черского

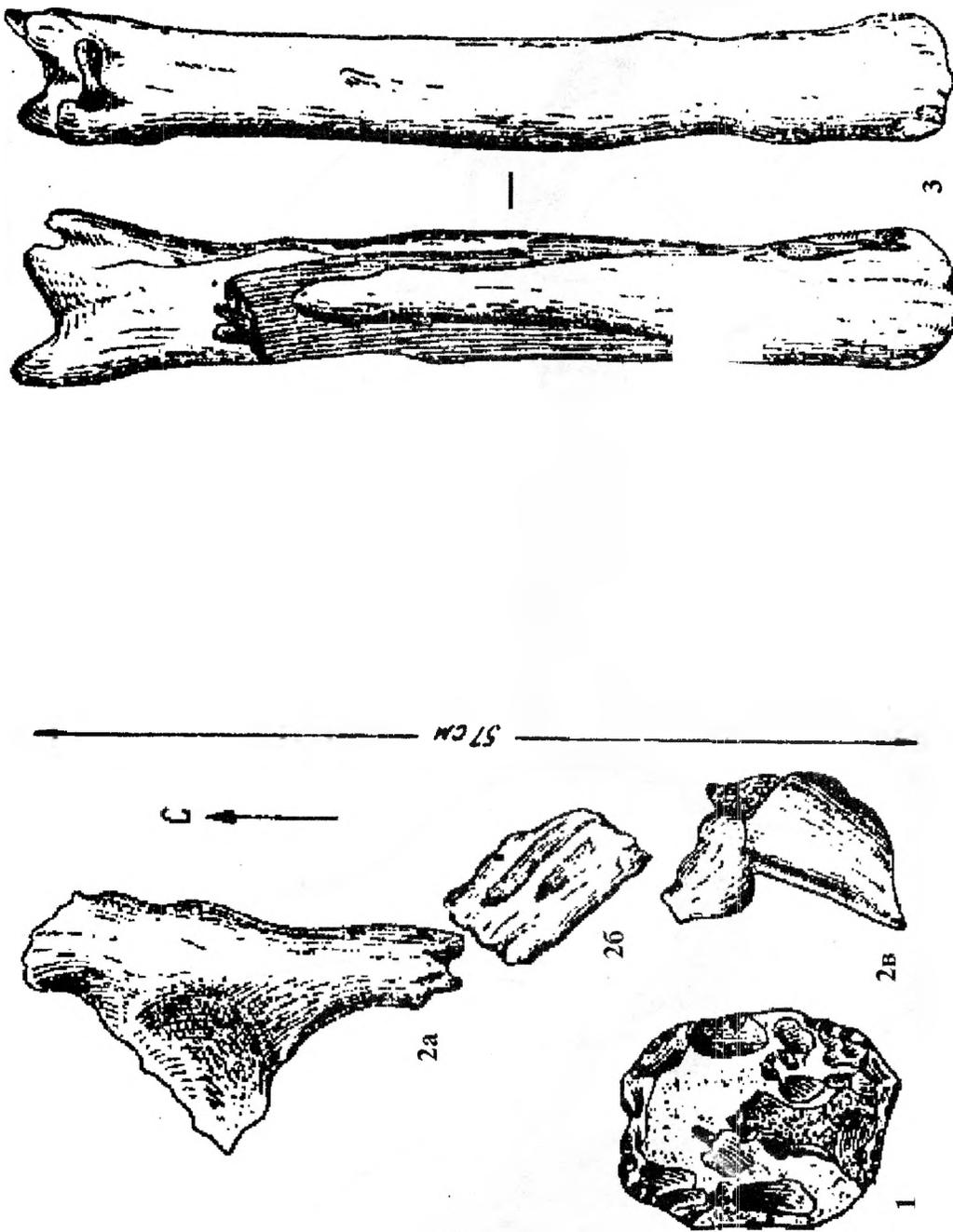

Рис. 5. Находки И.В. Арембовского и Л.Н. Иваньева: 1 - дисковидное орудие из сидерита; 2 а,б,в - тазовая кость сибирского носорога (*Rhinoceros thogginus*) частично со следами обжига; 3 - берцовая кость крупного вида северного оленя (*Rangifer tarandus*) искусственно сколотая и заострённая в виде лопатки.

Рис. 6. План охраняемых зон и археологического надзора г. Иркутска

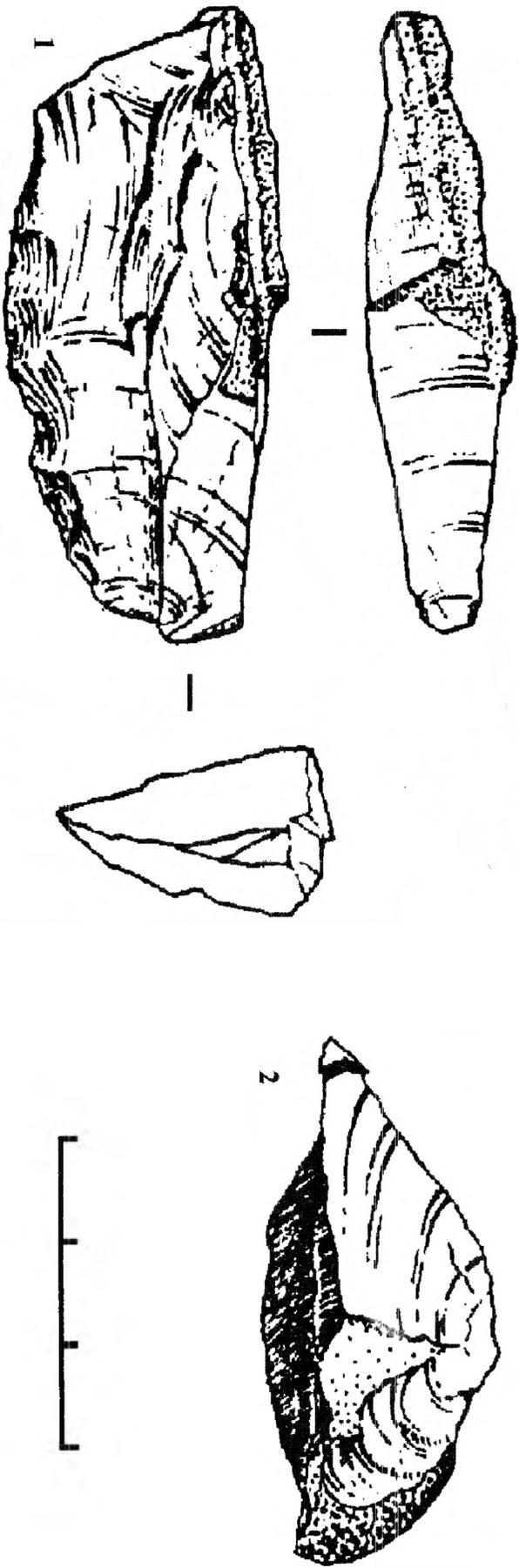

Рис. 8. Находки 1984 г. Е.М. Инешина: 1 - скребло на кварцитовом отщепе, 2 - отщеп

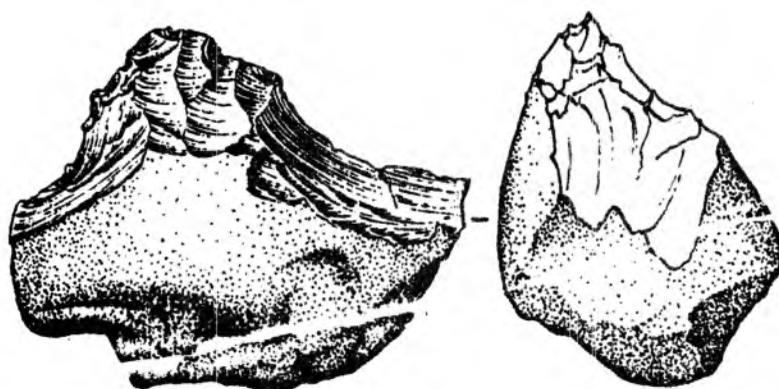
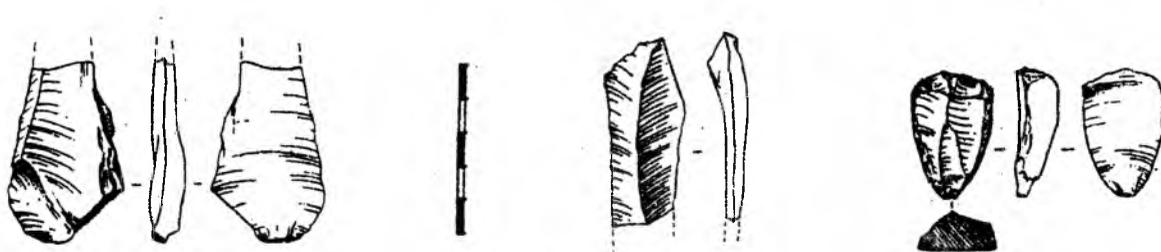

Рис. 9 Результаты работ 1988 г.

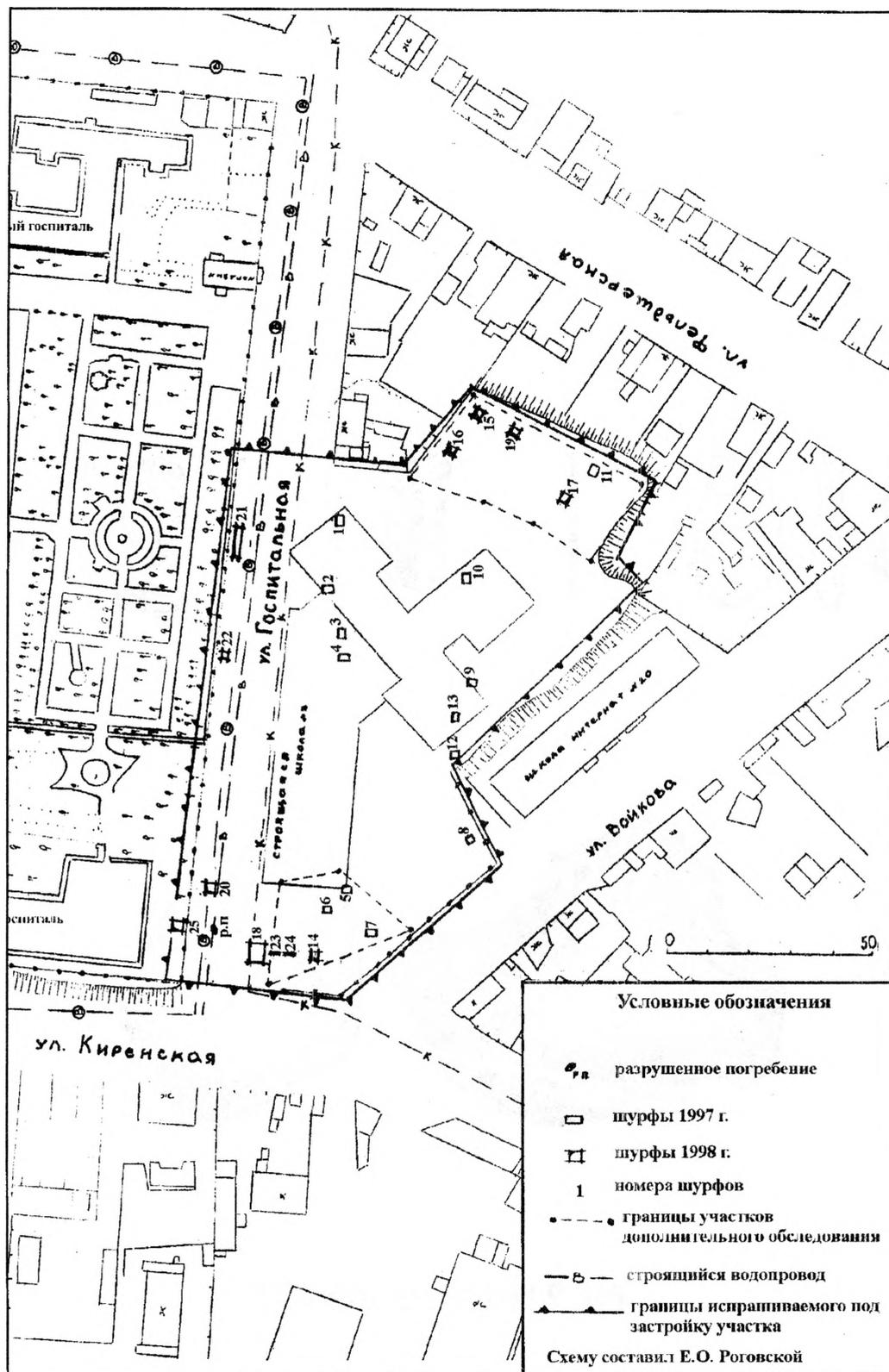

Рис.10.Схема расположения шурфов на территории строящегося объекта (школа № 3) в районе охранной зоны памятника Военный госпиталь

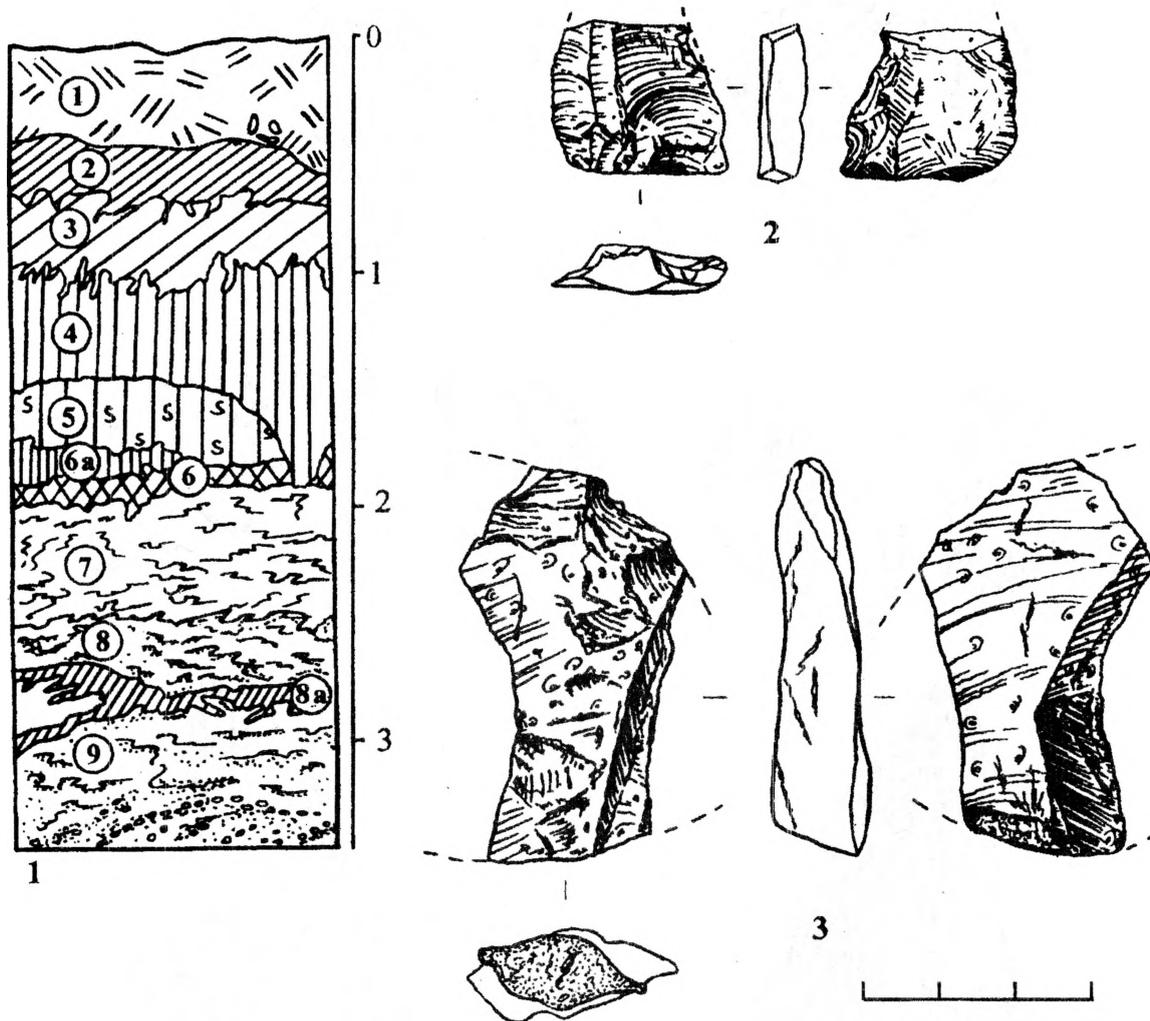

Рис.11. Местонахождение Военный госпиталь (результаты работ 1997 года): 1 - стратиграфическая колонка шурфа № 7, 2 - изделие из пластины серого кембрийского кремня (шурф № 7), 3 - скол из светло-серого кварцита (шурф № 11)

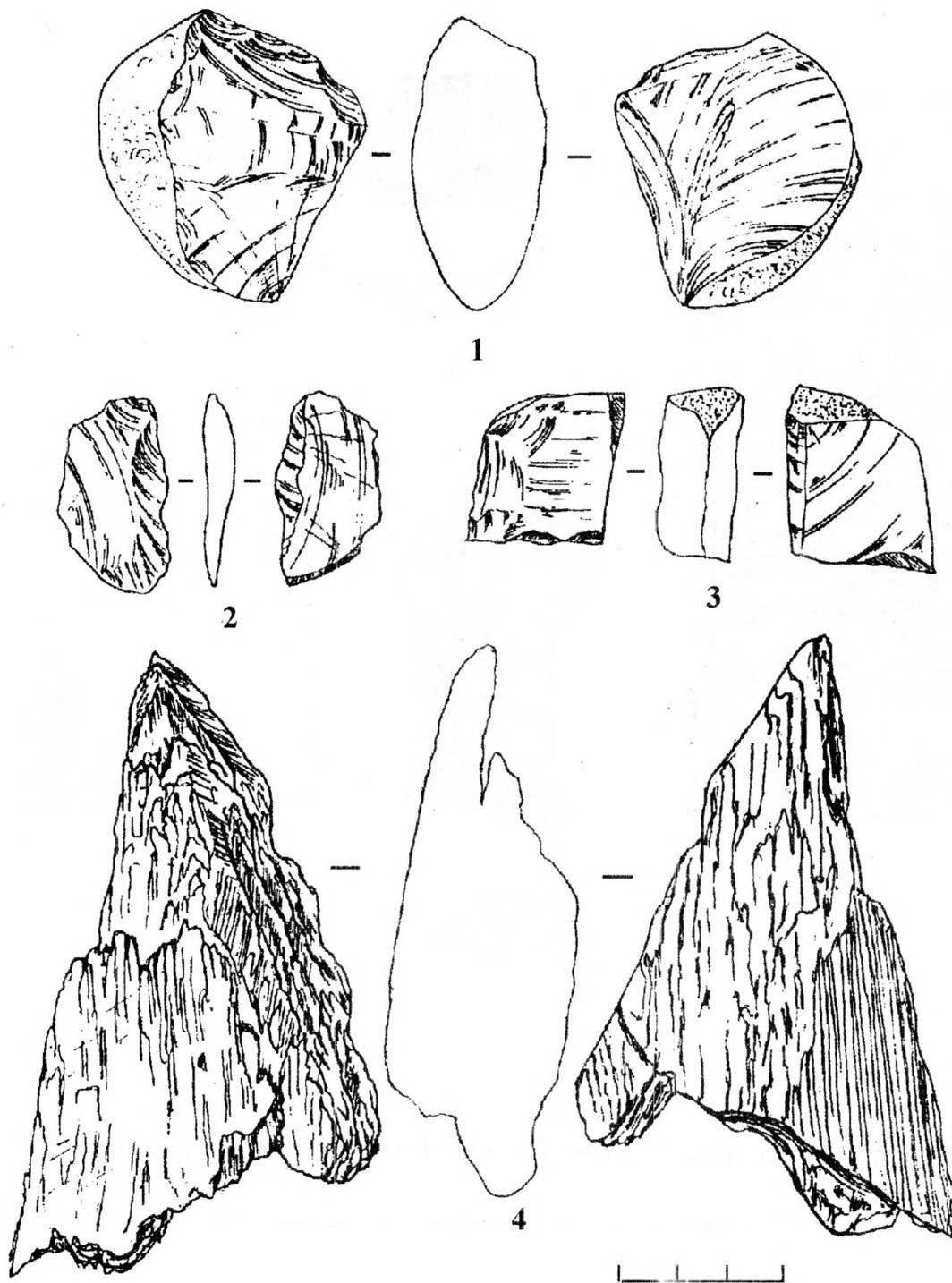

Рис. 12. Находки 1998 года: 1 - фрагмент скола-сегмента долечного расщепления (шурф №18); 2,3 - мелкие отщепы из кварцита (шурф №18); 4 - треугольный обломок бивня мамонта со следами искусственной обработки (шурф № 17)

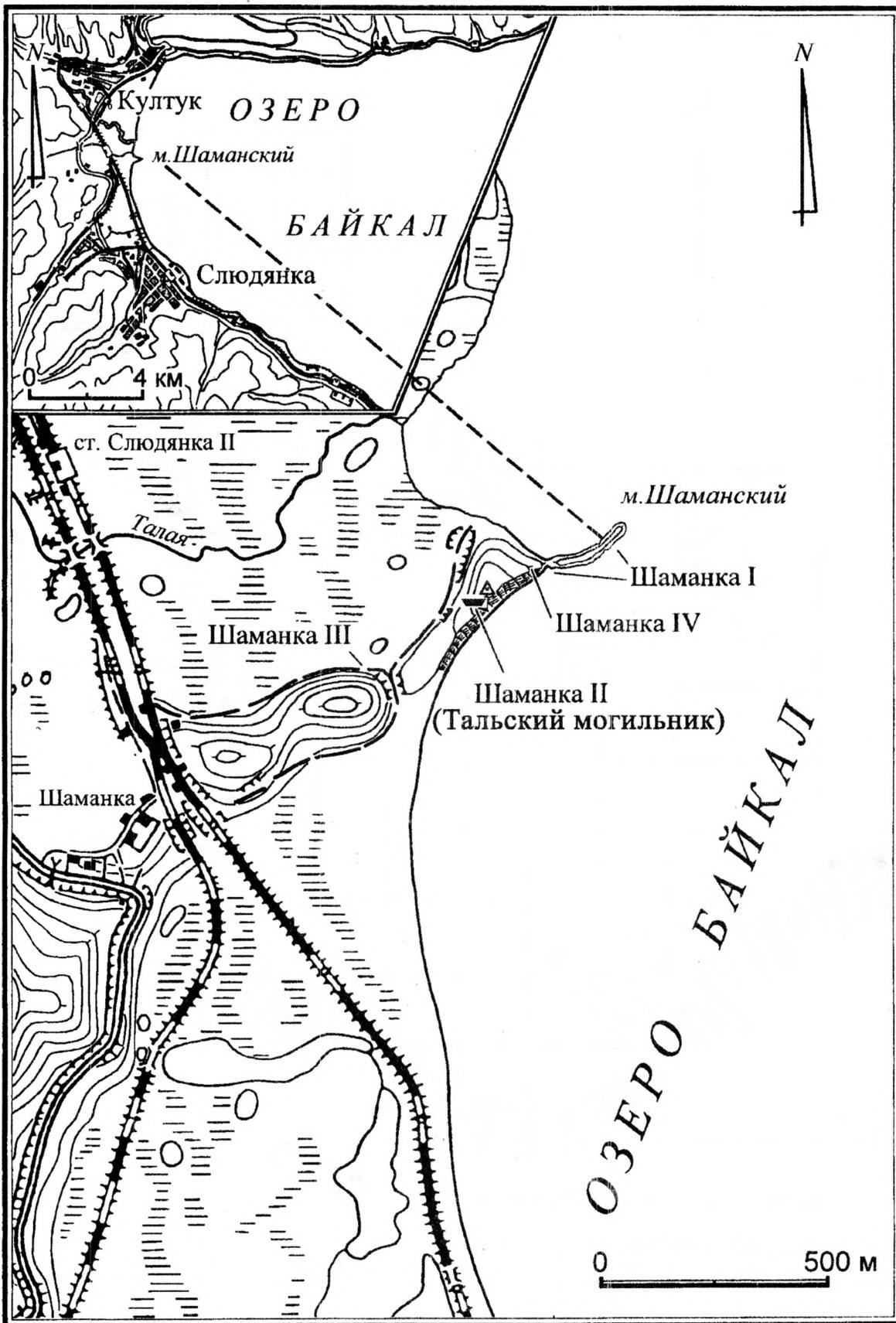

Рис.13. Южный Байкал. Археологические памятники в районе мыса Шаманка.
 — -Тальский могильник.

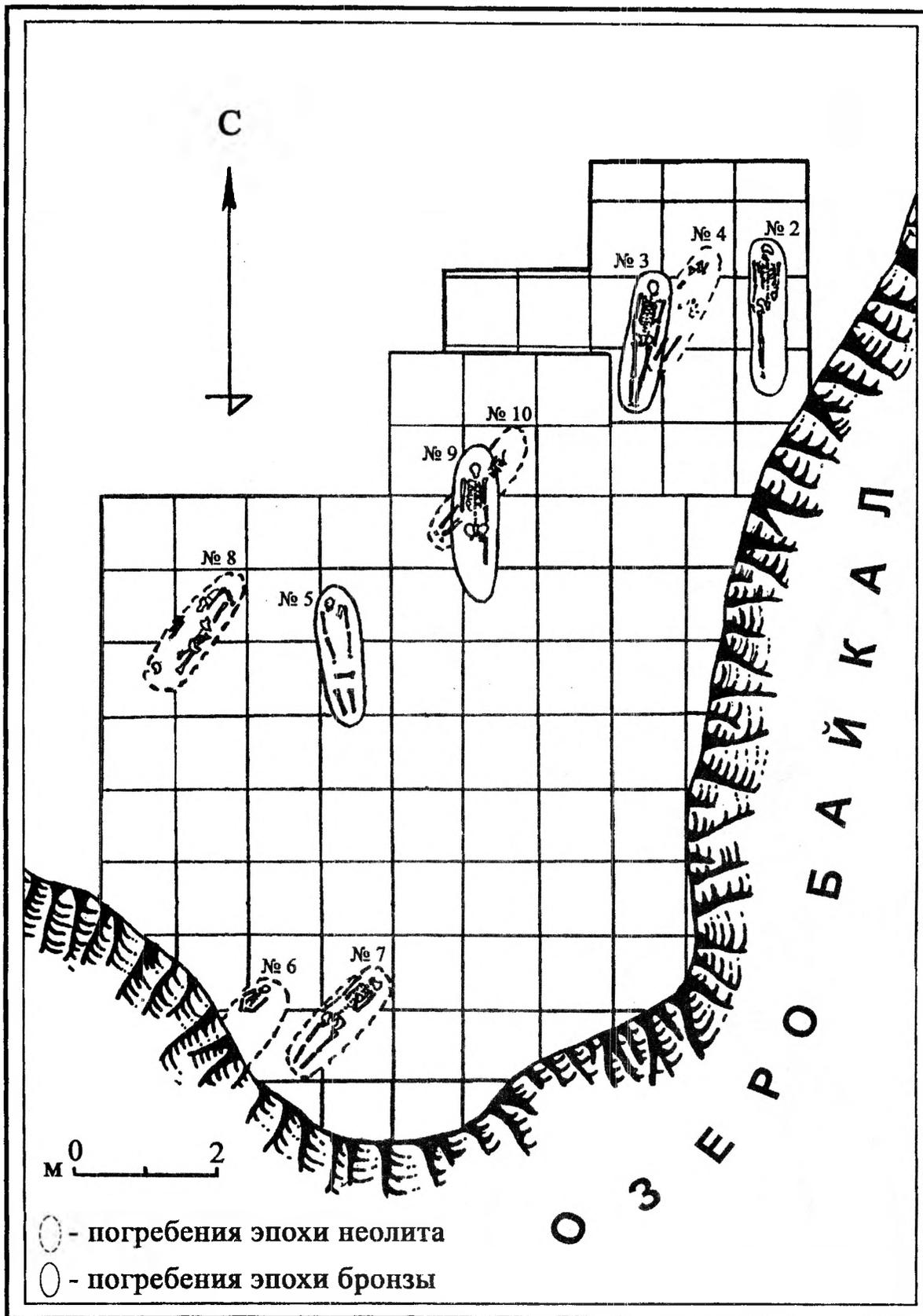

Рис. 14. Южный Байкал. Гальский могильник.
План расположения могил.

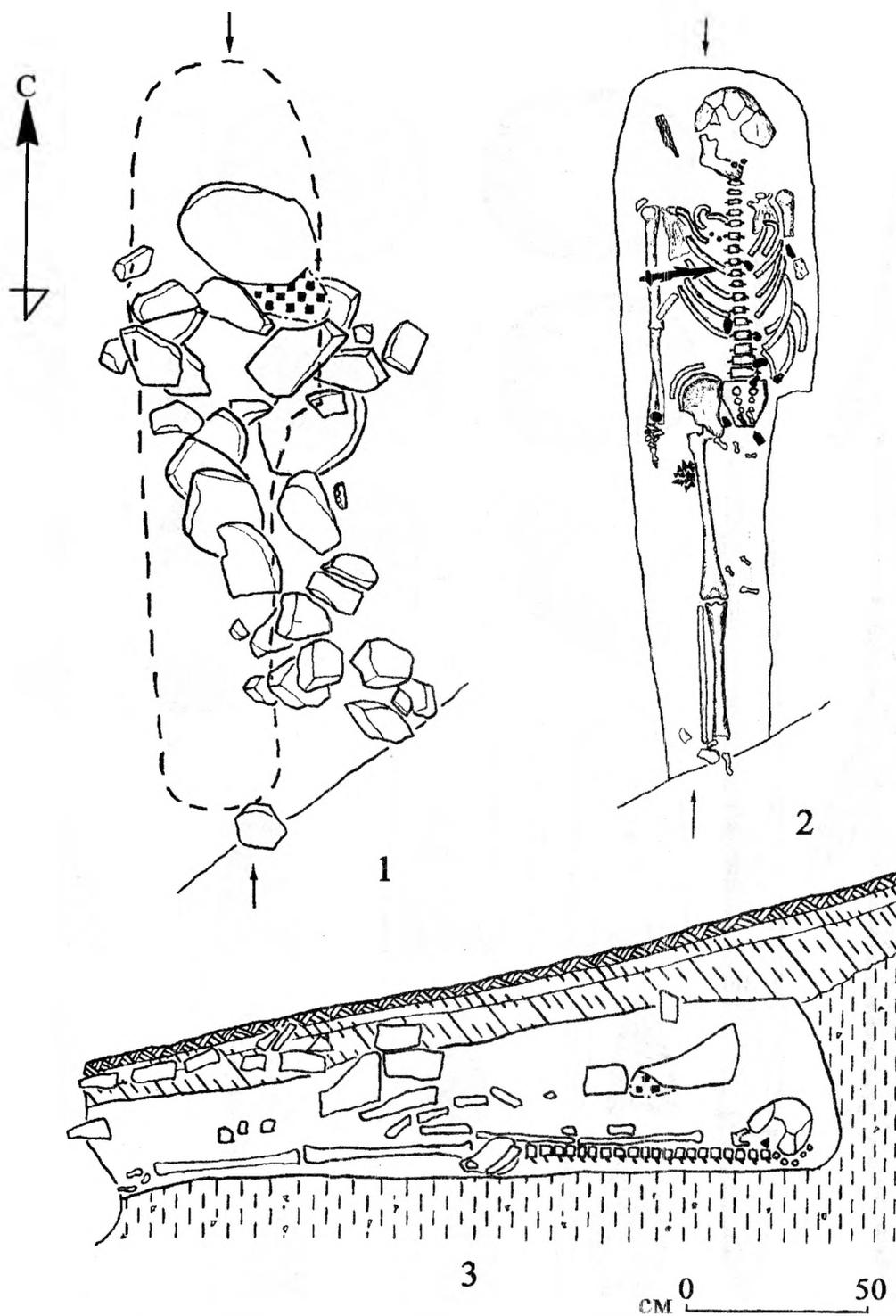

Рис.15. Тальский могильник. Могила №2.
 1. План надмогильного сооружения.
 2. План захоронения.
 3. Продольный разрез погребения.

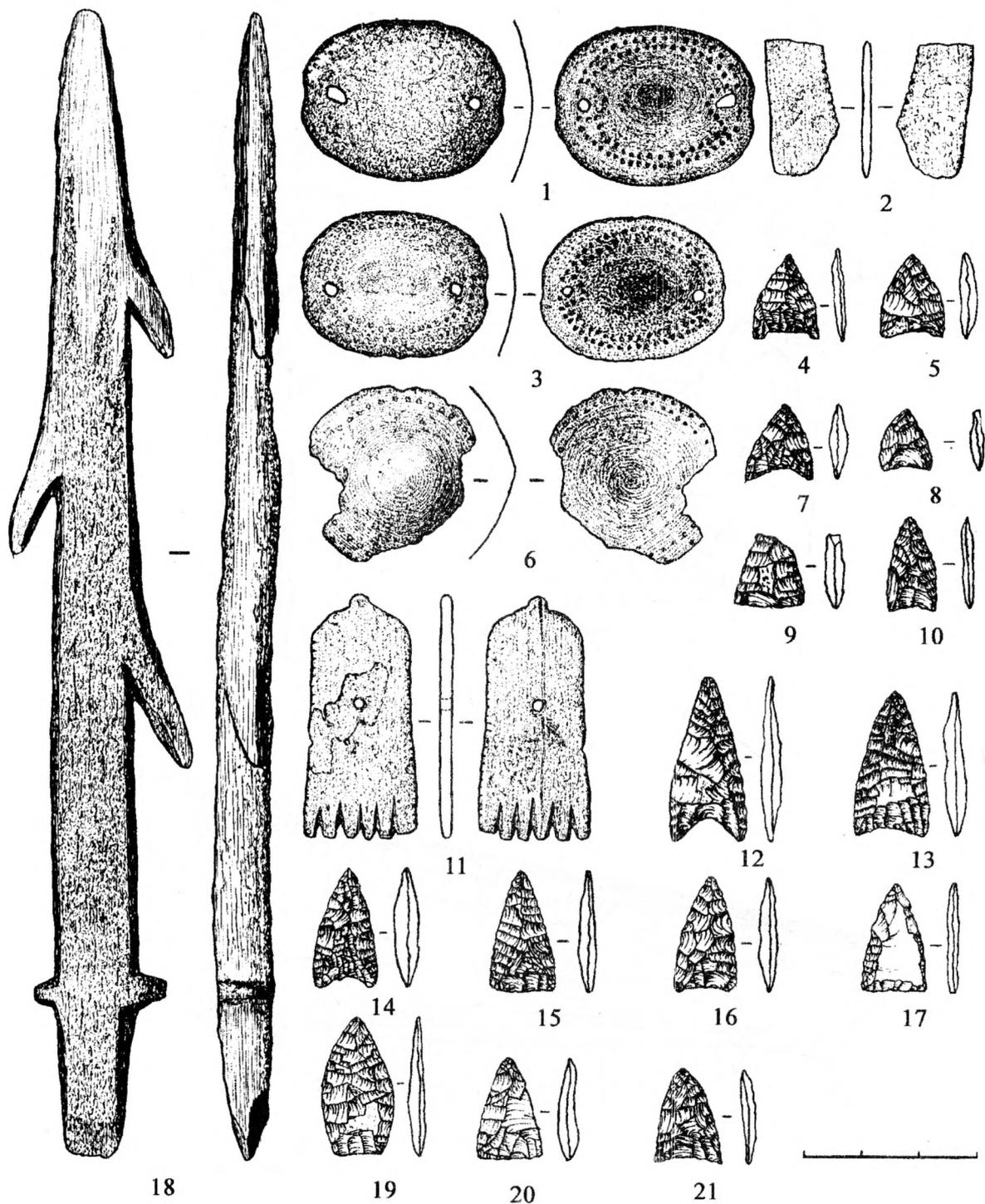

Рис.16. Тальский могильник. Могила № 2.
 Инвентарь. 1-3, 6, 11 - бронза, 18 - рог,
 4, 5, 7-10, 12-17, 19-21 - камень.

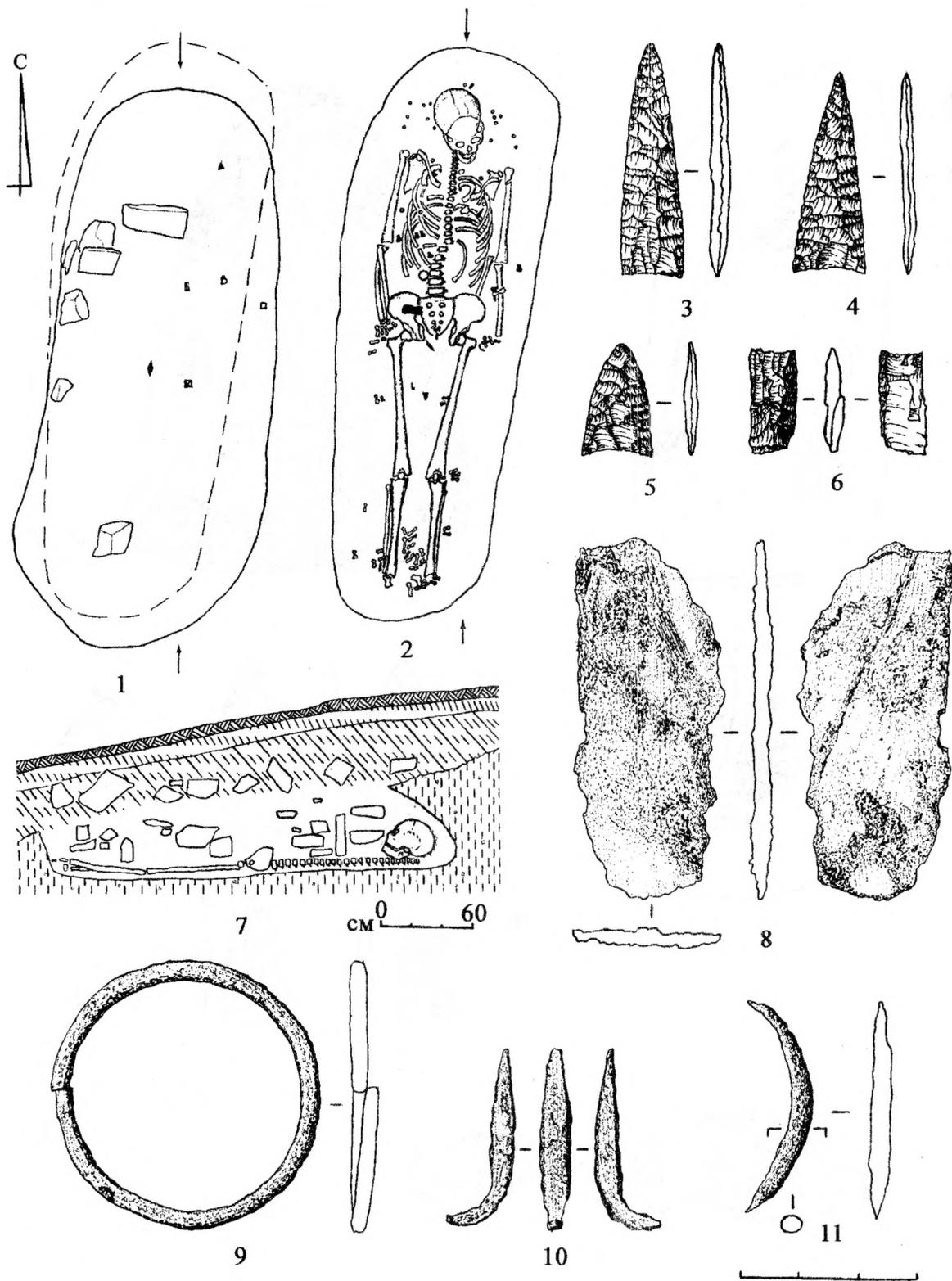

Рис.17. Тальский могильник. Могила № 3. 1. План надмогильного сооружения. 2. План захоронения. 7. Продольный разрез. Погребальный инвентарь. 3-6. Изделия из камня. 8-11. Изделия из бронзы.

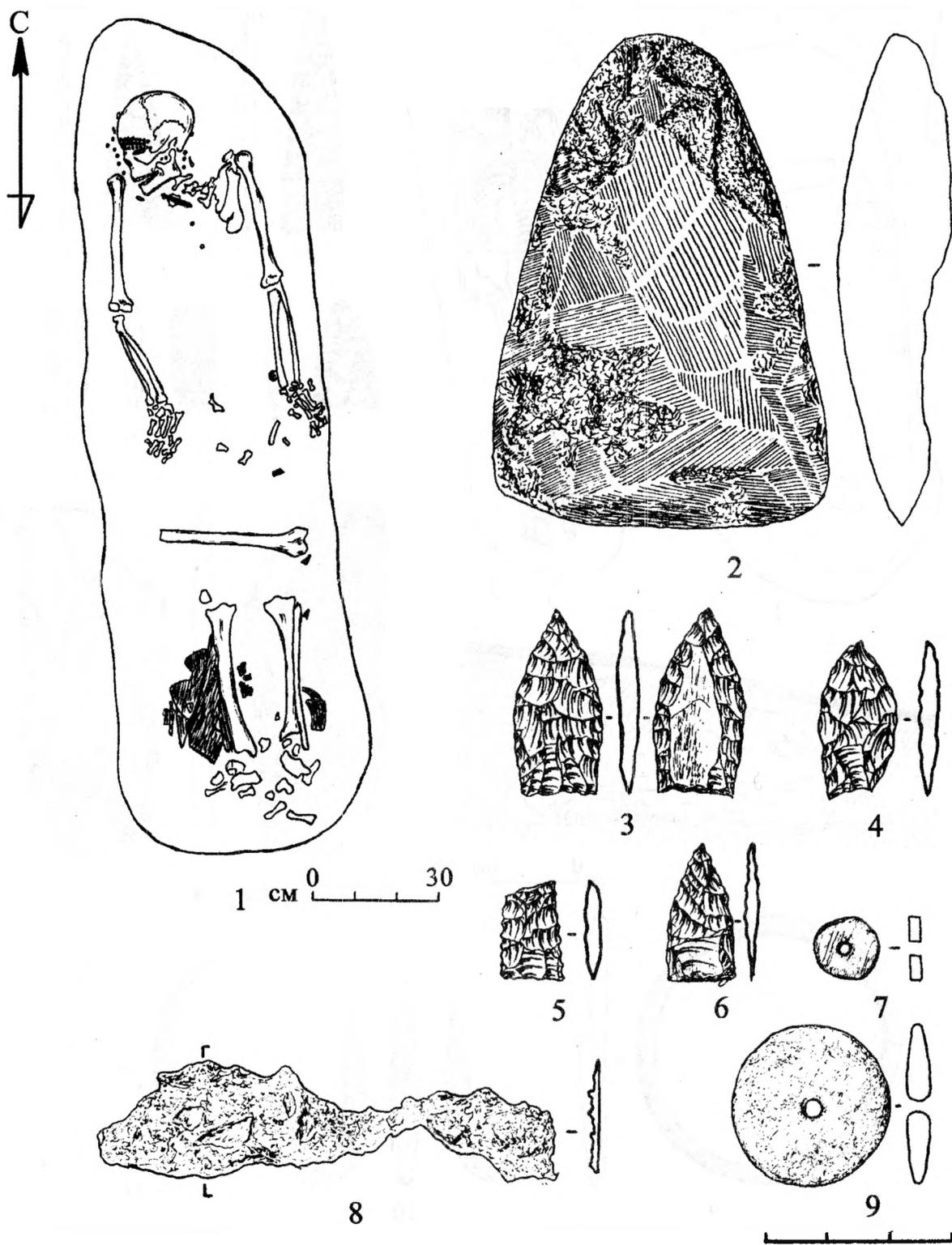

Рис.18.Тальский могильник. Могила № 5. 1. План захоронения.
 Погребальный инвентарь. 2-6, 9 - камень.
 7 - перламутр. 8 - бронза.

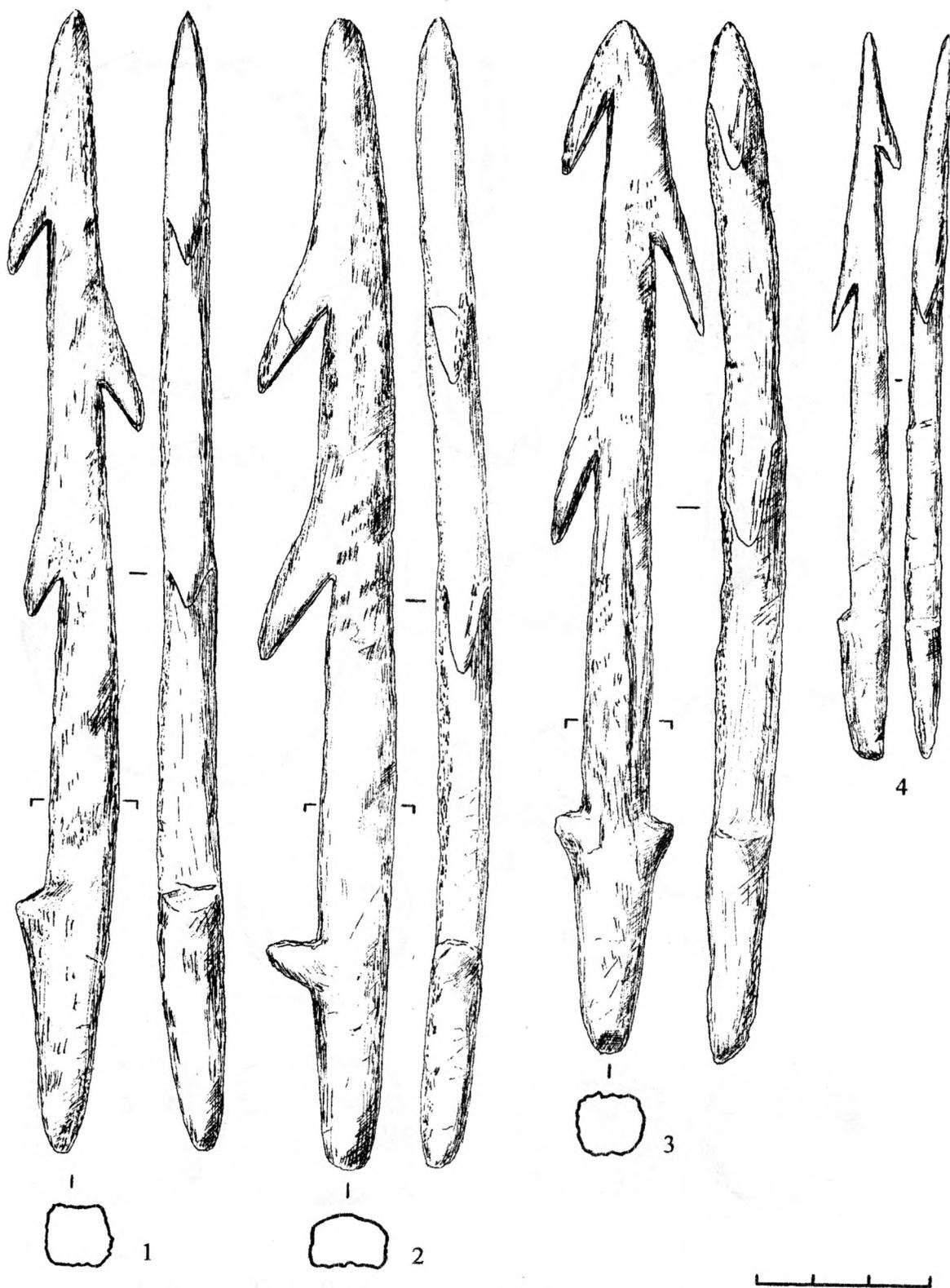

Рис.19. Тальский могильник. Могила № 5. Погребальный инвентарь.
Изделия из рога.

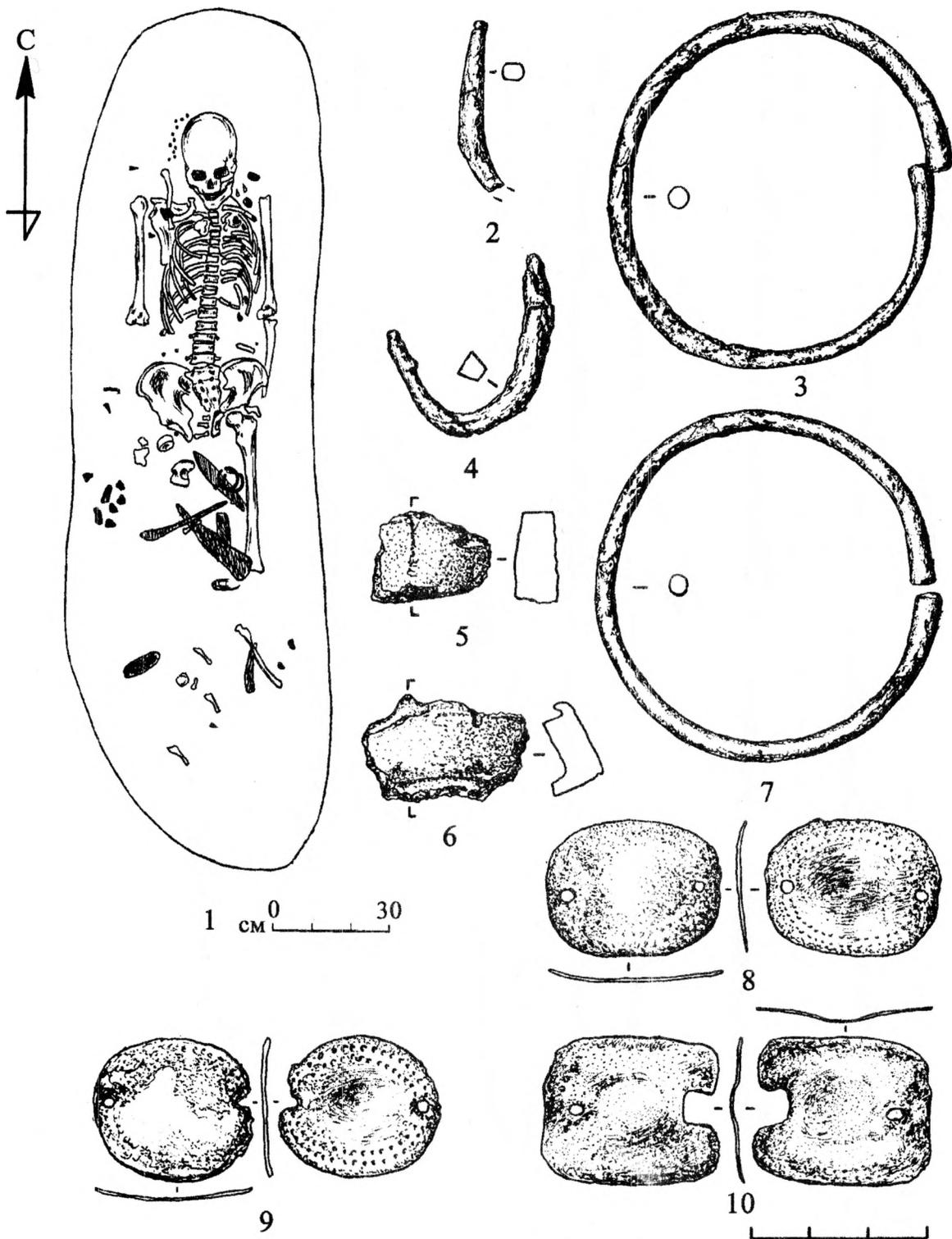

Рис. 20. Тальский могильник. Могила № 9. 1. План захоронения. 2-10. Инвентарь. Изделия из бронзы.

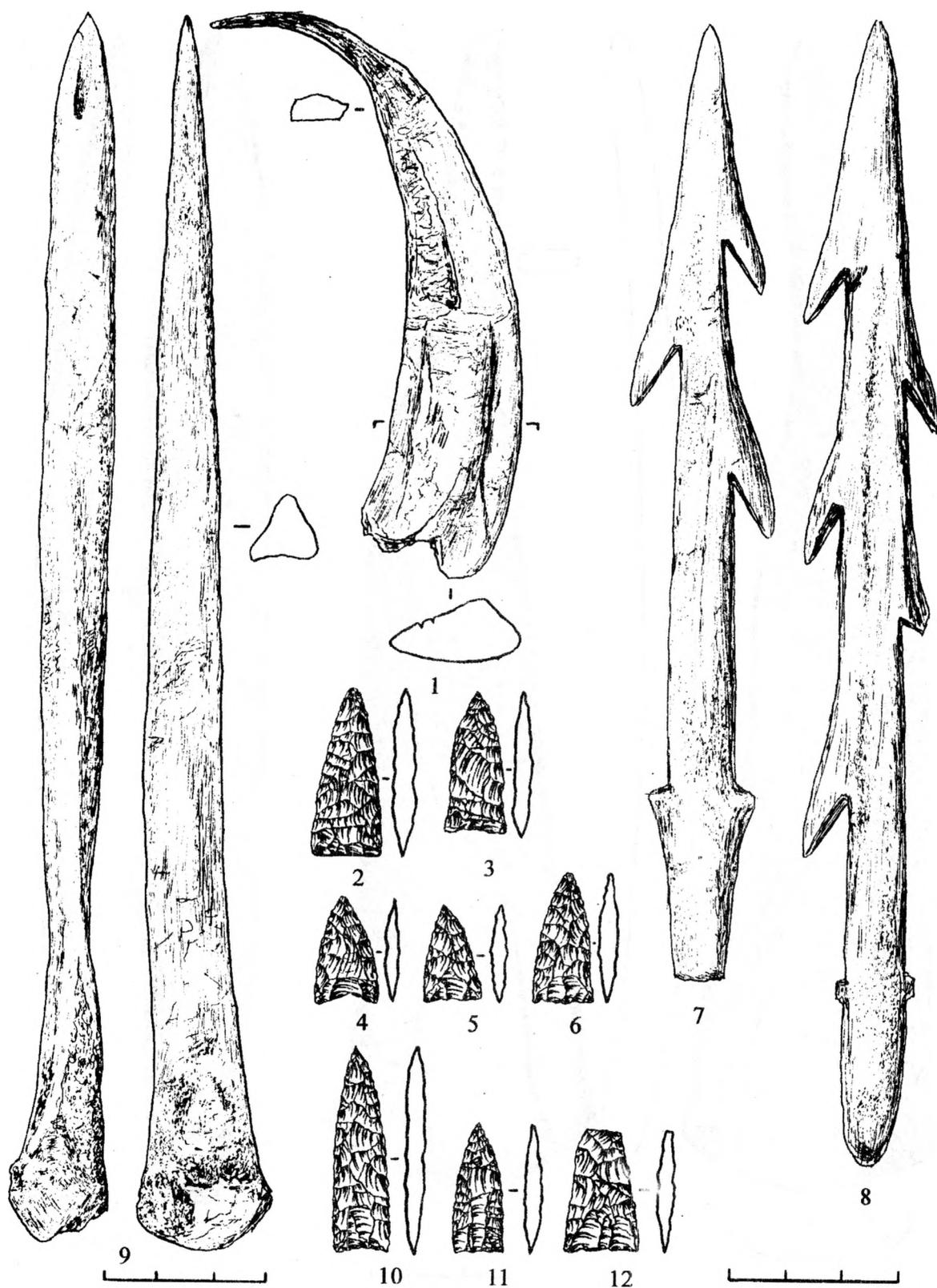

Рис. 21. Гальский могильник. Могила № 9. Инвентарь. 1, 9 - кость, 2-6, 10-12 - камень, 7, 8 - рог.

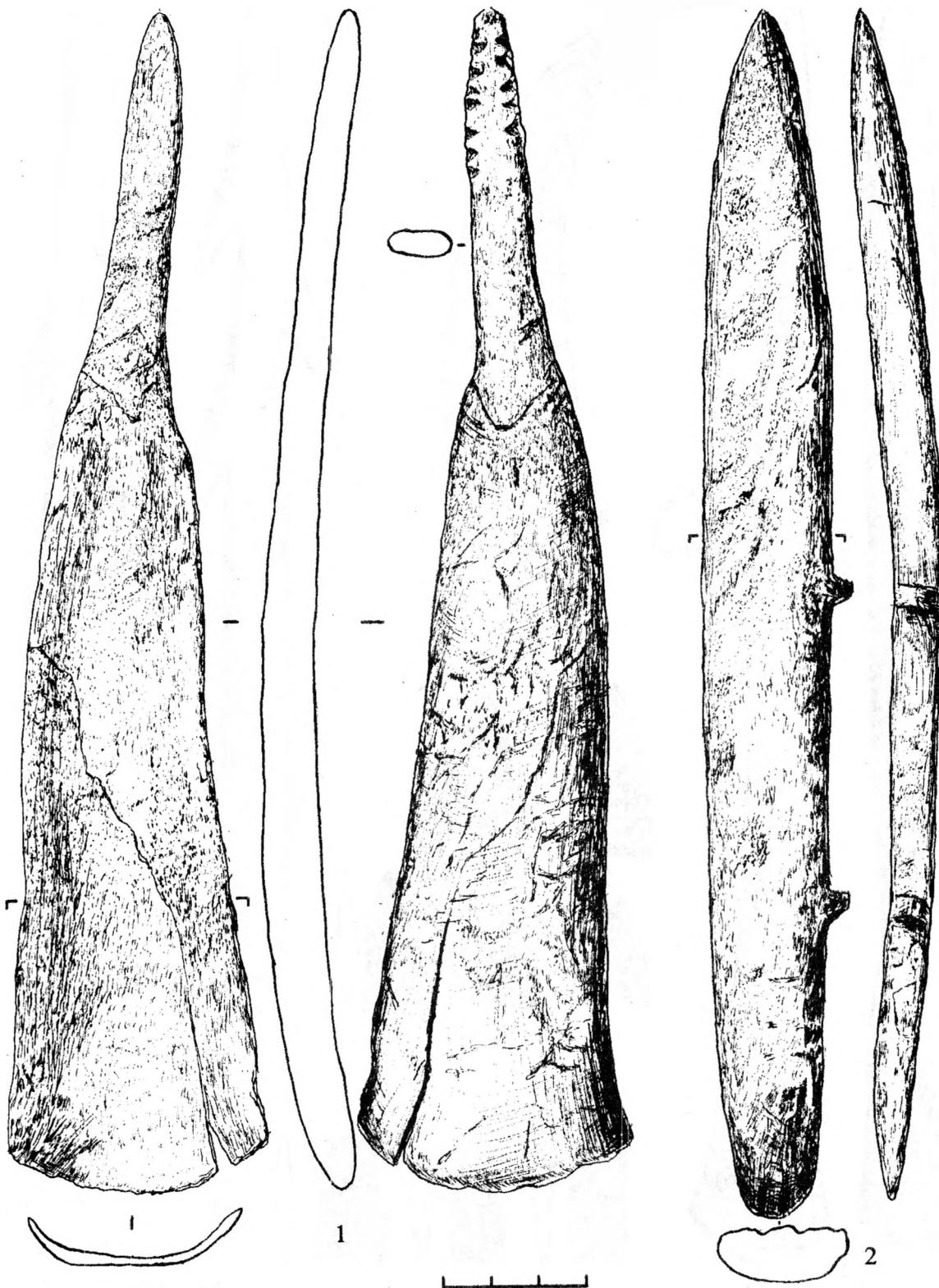

Рис. 22. Тальский могильник. Могила № 9.
Инвентарь. Изделия из рога.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Географический очерк. Районирование Байкальской Сибири	5
Южное Приангарье	7
Палеолитическое местонахождение Военный Госпиталь	10
Могильник Тальский на Южном Байкале	39
Литература	56
Иллюстрации	61

**Генералов А.Г., Медведев Г.И., Заграфский С.И., Слагода Е.А.,
Базалийский В.И., Туркин Г.В., Тютрин А.А.**

**КАМЕННЫЙ ВЕК ЮЖНОГО ПРИАНГАРЬЯ
ИРКУТСКИЙ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ РАЙОН**

ИБ № 1261. Гос. лицензия ЛП 040250 от 13.08.97 г. Сдано в набор 14.06.2001 г.
Подписано в печать 25.07.2001 г. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная и трафаретная.
Бумага мелованная и офсетная. Учет. изд. л. 9,74. Усл. печ. л. 9,76. Усл. кр. от. 9,78.
Тираж 150 экз. Заказ № 53.

Отпечатано в Центре оперативной полиграфии и дизайна БИБММ ИГУ.
664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1. Тел.: 334-395.

